

На правах рукописи

Беспалько Виктор Геннадиевич

**УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ
В ПЯТИКНИЖИИ МОИСЕЯ**

Специальность:

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2017

Диссертация выполнена на кафедре уголовно-правовых дисциплин
Государственного казенного образовательного учреждения высшего образования
«Российская таможенная академия»

Научный консультант – Михайлов Виктор Александрович
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Официальные оппоненты: Жуков Вячеслав Николаевич
доктор юридических наук, доктор философских
наук, профессор, профессор кафедры теории
государства и права и политологии юридического
факультета ФГБОУ ВО «Московский государст-
венный университет им. М.В. Ломоносова»

Козлихин Игорь Юрьевич
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный
университет», Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,

Сигалов Константин Елизарович
доктор юридических наук, доцент, заместитель
директора Института проблем эффективного
государства и гражданского общества
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

Ведущая организация – Федеральное государственное автономное образо-
вательное учреждение высшего образования
**«Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского»**

Защита состоится 20 марта 2018 г. в 12 часов на заседании диссертационного
совета Д 002.002.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Феде-
ральном государственном бюджетном учреждении науки Институте государства и
права Российской академии наук по адресу: 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государ-
ственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Россий-
ской академии наук и на сайте www.igpran.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 201__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, профессор

Н. Н. Ефремова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время российское общество переживает своеобразный ренессанс религиозности и связанный с ним всплеск неподдельного интереса к различным достижениям национальной культуры¹. Такое положение дел требует взвешенного подхода законодательной власти к вопросам правотворчества, а исполнительной и судебной власти к вопросам правоприменения, сопрягающимся со сферой религиозно-нравственных убеждений граждан, исторически сложившейся системой духовных ценностей. С одной стороны, демократическое государство должно учитывать и защищать от преступных и иных посягательств интересы населения в сфере религиозных отношений. С другой стороны, эти задачи необходимо решать, руководствуясь положениями ст. 14 и 28 Конституции РФ о светском характере государственной власти, свободе совести и вероисповедания.

Своеобразие богатейшей культуры и выросшего из нее общественного правосознания многонационального и поликонфессионального народа Российской Федерации заключается в сформировавшейся за многовековую историю терпимости к различным религиозным убеждениям и верованиям. В силу такой исторической и культурной самобытности в России сложились устойчивые традиции мирного сосуществования всех конфессий, созидательный симбиоз взаимно обогащающих друг друга культур. Толерантность в вопросах веры в значительной мере предопределена принадлежностью России к «христиано-иудео-мусульманской цивилизации»², общим религиозно-правовым базисом которой стало древнее Моисеево законодательство. Оно дошло до нас в виде священных для миллионов последователей мировых религий текстов Торы (в иудейской традиции) или Пятикнижия (в христианской традиции) – корпуса первых пяти канонических книг Ветхого Завета Библии (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие), получивших в православном богословии статус законоположительных книг.

Вопросы датировки происхождения Моисеева Пятикнижия остаются дискуссионными для специалистов в области истории Древнего Востока, религиоведения и библеистики. Содержательно же Тора охватывает события библейской истории

¹ По данным ВЦИОМ только к православному христианскому вероисповеданию относят себя 75% граждан (см.: ВЦИОМ: Православными себя считают 75% россиян // РБК. Новости дня [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100330161117.shtml>). Наш собственный опрос показал, что 79% граждан придерживаются религиозных убеждений, и большинство из них (61% опрошенных, 77% верующих) – православные христиане.

² Александр Мень, *протоиерей*. От рабства к свободе. М., 2008. С. 49.

от сотворения мира до зарождения еврейской государственности и права Древнего Израиля. При этом наибольший ее объем посвящен именно вопросам становления Моисеева законодательства, обычно датируемого 1250-ми г. до н. э., его изложению, религиозно-нравственному обоснованию и толкованию.

Обращение к нормативной составляющей Торы (ивр. תּוֹרָה – букв. «учение», «закон») показывает, что основная масса образующих ее правил и казусов имеет отчетливо выраженный уголовно-правовой характер. Преобладание метода уголовно-правового запрета в Моисеевом законодательстве можно объяснить спецификой исторических условий его зарождения и развития, с одной стороны, и социальным назначением уголовного права, с другой стороны. По сей день главной задачей уголовного законодательства является защита от преступных посягательств наиболее значимых общественных отношений, социальных благ и ценностей, обозначаемых уголовно-правовой доктриной как общий объект всех преступлений. Для защиты менее значимых благ и противодействия менее опасным видам правонарушений используются механизмы административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и иной юридической ответственности. Так и в древнем мире зарождающееся позитивное право как новый культурный феномен обращалось к правовому регулированию, прежде всего, самых важных общественных отношений и, соответственно, брало под свою защиту наиболее значимые духовные и материальные социальные ценности. Тогда как в отношении остальных аспектов общественной жизни продолжали действовать обычаи и иные нормы догосударственного происхождения.

Таким образом, совпадение предметов правового регулирования древнего Моисеева законодательства и современного уголовного права по признаку их социальной значимости объясняет преобладание уголовно-правовых запретов, опирающихся на суровые наказания, среди ветхозаветных норм, представленных в Пятикнижии, и предопределяет необходимость их правового анализа в контексте историко-юридического и сравнительно-правового исследования. Неслучайно многие правоведы указывают на родство ветхозаветного и действующего уголовного законодательства, но при этом признают, что «законодательство Моисея не стало еще предметом должного внимания современных российских ученых»¹ и отмечают «значительный дефицит исследований ранних религиозных верований с точки зре-

¹ Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К. В. Харabet, А. А. Толкаченко. М., 2009. С. 43.

ния общей истории права, уголовного права и криминологической теории»¹.

Все самое ценное и значимое в глазах человека как древнего, так и современного, общества как монорелигиозного, так и поликонфессионального, государственной власти как воцерковленной, так и светской всегда охранялось и продолжает защищаться уголовным правом, опирающимся на императивные запреты и суровые санкции за их несоблюдение. При этом общей исторической и религиозно-нравственной основой, на базе которой сформировались современные уголовно-правовые системы не только Израиля, но и государств англо-саксонской, романо-германской и мусульманской правовых семей стало древнее учение Пятикнижия о преступлении и наказании. Последнее, в отличие от других древних правовых учений, остается актуальным источником представлений о запрещенном и строго караемом поведении как по причине рецепции большинства его положений законами государств всех частей света, так и в силу продолжающегося прямого воздействия на правосознание миллионов последователей иудаизма, христианства и ислама. Для них Декалог и иные законы пророка Моисея остаются священными и непосредственно действующими религиозно-нравственными идеалами построения отношений людей с Богом и друг с другом. В связи с этим для исследователя-правоведа наших дней Пятикнижие представляет собой кладезь богатого юридического и исторического материала, который не только не остался в далеком прошлом, но еще долгое время будет формировать правовую культуру огромных масс людей, их отношение к власти и законам, преступлениям и наказаниям.

Кроме того, комплексный историко-правовой и сравнительно-правовой анализ уголовно-правового учения Торы позволяет установить исторические корни многих юридических явлений, включая институты преступления и наказания, определить степень их соответствия своим древним истокам, дать нравственное обоснование многим современным уголовно-правовым установлениям и т. д.

Спустя тысячелетия ветхозаветное законодательство является актуальным предметом серьезного научного осмысления, заслуживающим того, чтобы заданные им стандарты защиты различных общественных отношений от преступных посягательств использовались в целях совершенствования действующего уголовного законодательства. Сопоставление положений Моисеева и современного уголовного

¹ *Георгиевский Э. В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию: монография. М., 2014. С. 3.

права позволяет выявить, какие древние богоустановленные запреты оказались сегодня без официального уголовно-правового обеспечения, но, тем не менее, объективно нуждаются в соблюдении в силу их исключительной значимости как нравственных основ общественного правосознания, не говоря уже об их святости для многих миллионов последователей авраамических религий.

Новый импульс актуальности историко-правового анализа Пятикнижия в условиях российской правовой реальности придал ряд новелл в сфере охраны религиозных и связанных с ними отношений от преступных деяний:

– усиление уголовно-правового воздействия на сферу выражения религиозных убеждений граждан в связи с принятием Федерального закона от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»;

– расширение оснований уголовной ответственности за посягательства на культурные ценности как религиозного, так и светского характера в результате изменений отдельных уголовно-правовых норм и дополнений уголовного закона новыми составами преступлений Федеральным законом от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии»;

– ужесточение уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности, в том числе совершенные по мотивам религиозной ненависти или вражды, после вступления в силу Федерального закона от 03.02.2014 № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Таким образом, юридический анализ древнего уголовно-правового учения Пятикнижия Моисея в контексте как историко-юридического, так и сравнительно-правового исследования представляется в современных условиях актуальным и необходимым, поскольку позволяет определить степень влияния его норм и институтов на современное состояние правовой культуры вообще и уголовной политики в частности, а также возможные пути дальнейшего развития институтов преступления и наказания, ориентируясь на проверенные тысячелетиями нравственные идеалы человечества, объединяющие разные народы и правовые системы.

Степень разработанности темы исследования. Попытки философского, бо-

гословского и правового осмысления Моисеева законодательства предпринимали многие российские и зарубежные ученые. Однако, несмотря на постоянное внимание представителей теологии и светских наук к древним библейским текстам, учение Пятикнижия о преступлении и наказании так и не стало в отечественной науке предметом самостоятельного подробного и развернутого юридического анализа и на монографическом уровне сквозь призму категориального аппарата уголовно-правовой доктрины детально не исследовалось.

Среди немногочисленных трудов, посвященных Моисееву законодательству, изданных в дореволюционной России, выделяется работа библеиста А. П. Лопухина «Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея» (СПб., 1882), предмет которой, однако, ограничен преимущественно вопросами гражданского права и смежных с ним отраслей и институтов, и практически не касается ветхозаветных представлений о преступлении и наказании. На этом фоне выгодно отличается работа другого богослова П. Аксенова – «Моисеево уголовное право» (М., 1904), которая является первой попыткой целенаправленного обращения русской богословской и юридической мысли именно к уголовно-правовой составляющей Моисеева законодательства. Но, тем не менее, и данный труд не может считаться достаточным и полным (его объем – всего 62 с.). Он является своего рода введением к изучению уголовного законодательства, представленного в Пятикнижии, что признано и самим автором, оценившим свое исследование как «недостаточное, неполное»¹.

Кроме того, следует отметить, что отдельные нормы Моисеева уголовного права в контексте сравнительно-правового анализа рассматривались в трудах русских правоведов (Л. С. Белогриц-Котляревского, В. В. Есипова, С. В. Познышева, В. Н. Ширяева и др.), посвященных популярным на рубеже XIX–XX в. вопросам противоправности и наказуемости религиозных преступлений. Однако их обращение к Моисееву законодательству носило фрагментарный характер, что предопределялось узким предметом исследования и существовавшей на тот момент моделью государственно-церковных отношений в Российской Империи.

К сказанному следует добавить, что названные представители отечественной богословской школы и юридической науки занимались исследованием обозначен-

¹ Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904. С. 58.

ных вопросов более ста лет назад. И хотя данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет достоинств проделанной ими работы, в то же время оно указывает на необходимость ее продолжения с учетом современного уровня развития юридической науки (главным образом – теории и истории права, истории правовых учений, уголовно-правовой доктрины). К тому же в дореволюционное время публикация результатов научных изысканий по проблемным вопросам соотношения и взаимодействия норм религии и деликтного права осуществлялась в условиях жесткой правительственной и церковной цензуры, которая была серьезным препятствием для получения объективных научных выводов, их открытого и широкого обсуждения. Кроме того, хотя объективно в России «уголовные законы выступали как часть духовной культуры государства», тем не менее, «в дореволюционной литературе, как ни странно, взаимосвязь уголовного права с религиозным сознанием почти не раскрывалась»¹.

Отдельные элементы политической цензуры сохранялись и в советский период развития отечественной научной мысли. В это время ветхозаветные тексты исследовались редко и преимущественно под видом библейской критики и пропаганды атеизма (И. А. Крывелев, Е. М. Ярославский и др.), еще реже – в контексте изучения Пятикнижия как древнего литературного и исторического памятника (И. И. Скворцов-Степанов, И. Ш. Шифман и др.). Однако подобный «историко-критический подход к Библии игнорировал изучение библейского законодательства»². Поэтому только в новейшее время Библия опять стала предметом культурно-исторических, социально-политических и правовых научных исследований.

Отечественная юридическая наука вновь обратилась к библейским текстам и их правовому значению в конце XX – начале XXI в. Среди научных трудов соответствующей тематики выделяются монография А. А. Тер-Акопова «Христианство. Государство. Право» (М., 2000) и опубликованный им в журнале «Российская юстиция» (2003, № 9–12; 2004, № 1–2) цикл статей, содержащий обзор Моисеева законодательства. Различным религиозным аспектам отечественного права В. В. Сорокин посвятил монографии «Право и православие» (Барнаул, 2007) и «Понятие и сущность права в духовной культуре России» (М., 2007), а О. П. Виноградова – кандидатскую диссертацию «Религиозные аспекты в российском праве» (Н. Новгород, 2011). В. И. Лафитским был опубликован объемный труд «Воскресение права» (М.,

¹ *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 137.

² *Greenberg M.* Some Postulates of Biblical Criminal Law // *Yehezkel Kaufmann Jubilee Volume* / ed. M. Haran. Jerusalem, 1960. P. 5.

2008; 2009), в котором автор обосновал идею воскресения права на основе религиозно-этических начал, посвятив третью часть исследования библейским правовым началам и их современному значению. В контексте государственного строительства и конституционного права религиозные нормы исследовались в докторской диссертации «Государственно-правовое учение иудаизма. Ветхозаветная и талмудическая концепция» (Н. Новгород, 2012) и иных трудах Е. В. Калининой, кандидатской диссертации «Учение о государстве Русской православной церкви в XX – начале XXI в.» (Омск, 2009) О. Е. Авиловой и др. В контексте компаративистики правовые основы и традиции иудаизма исследовались в кандидатской диссертации «Место Галахи (иудейского права) в национальных системах правового регулирования» (М., 2015) А. А. Каневского, которым уголовно-правовые вопросы были сознательно опущены. И, наконец, нельзя не отметить коллективную монографию «Очерки истории религиозной и светской политико-правовой мысли» (М., 2017), подготовленную Е. В. Калининой, Э. А. Каракуляном и В. Б. Романовской, научные сборники «Христианство. Нравственность. Право» (М., 2000), «Философия права Пятикнижия» (М., 2012) и научные труды Л. Р. Сюкияйнена, В. Е. Чиркина и др. о мусульманском праве¹, тесно соприкасающемся с еврейской и христианской правовой культурой.

Из представителей зарубежных юридических и богословских наук к различным аспектам соотношения норм права и религии в Ветхом Завете, с особым вниманием именно к истории политико-правовых реалий обращались: германский ученый А. Альт, исследовавший на основе ветхозаветных и других древних ближневосточных текстов происхождение израильского законодательства и его типы, нашедшие отражение в работе «Die Ursprünge des israelitischen Rechts» (Лейпциг, 1934), многократно переизданной и переведенной на английский язык как «The Origins of Israelite Law» (Оксфорд, 1966); профессор иудаики, раввин Моше Гринберг, работающий над проблемами библейского права и опубликовавший ряд научных работ, в том числе «Some Postulates of Biblical Criminal Law» (Иерусалим, 1960), которая много лет спустя была переведена на русский язык и опубликована как «Некоторые постулаты библейского уголовного права» (М., 1997); американский юрист Г. Дж. Берман, посвятивший вопросам соотношения современного западного права и ре-

¹ См.: Сюкияйнен Л. Р. Исламское уголовное право: от традиционного к современному // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 571–596; Чиркин В. Е. Мусульманское право: некоторые социальные и правовые индикаторы // Политика и общество. 2014. № 11. С. 1299–1312 и др.

лигиозных норм труд «Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion» (Атланта, 1993), изданный и на русском языке под названием «Вера и закон: примирение права и религии» (М., 1999); армянский правовед Р. А. Папаян, подготовивший монографию «Христианские корни современного права» (М., 2002), посвященную библейским истокам действующего права и поиску христианского смысла государства; белорусский исследователь В. С. Каменков, составивший хрестоматию «Библия о правосудии, праве и морали» (Мн., 2009), в которой тексты Священного Писания систематизированы по различным отраслям права, включая уголовное; американский автор Р. Хиерс, рассмотревший влияние библейских законов на правовую систему США в работе «Justice and Compassion in Biblical Law» (Лондон, 2009); азербайджанский криминолог И. М. Рагимов, обратившийся к вопросу о влиянии религиозных норм на институт наказания в монографии «Преступность и наказание» (М., 2012), и др. При этом зарубежные специалисты в области иудаики утверждают, что «в последний раз основательное юридическое исследование библейского законодательства было написано более ста лет тому назад»¹, подразумевая труды Й. Л. Зальшутца «Das mosaische Recht, mit Berücksichtigung des späteren Jüdischen» (Берлин, 1846) и «Das mosaische Recht: nebst den vervollständigen talmudisch-rabbinischen Bestimmungen; für Bibelforscher, Juristen, und Staatsmänner» (Берлин, 1853).

Обращаясь к христианским истокам права новейшего времени, Р. А. Папаян образно перенес соотнесенность души и жизни в человеке на государство и получил поразительную по своей высокой этической воодушевленности и направленности, знакомую еще древним грекам формулу, согласно которой «душою государства является закон»². Одним из издревле существующих и социально необходимых элементов «души» любого государства стал уголовный закон, древними и авторитетными свидетельствами значения которого выступают соответствующие нормы Пятикнижия. Безусловно, правовое учение Торы о преступлении и наказании не могло возникнуть и существовать в отрыве от других явлений духовной жизни общества, не испытывая влияние религии и морали. Общеизвестно, что «отдельность норм и учреждений политико-юридических от норм и учреждений религиозных есть факт сравнительно поздний, а первоначально эти две области сливались между собою»³.

¹ Гринберг М. Некоторые постулаты библейского уголовного права // Библейские исследования. Вып. 1. М., 1997. С. 205.

² Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М., 2002. С. 278.

³ Соловьев В. С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве (Избранные труды). М., 2014. С. 172.

Однако свойство синкретичности, присущее всем известным древним источникам социальных норм, на современном этапе развития юридической науки не является препятствием для выделения запретов и санкций уголовно-правовой природы среди всего массива религиозно-нравственно-правовых установок Пятикнижия. Поэтому наблюдаемый интерес российских ученых-правоведов к библейским текстам неслучаен, а их обращение к религиозно-нравственным истокам позитивного права, попытки его переоценки с учетом многовековой христианской морали свидетельствуют о возрождении православных традиций в отечественном правоведении¹.

В частности, в науках уголовно-правового цикла вопросам соотношения норм религии и уголовного права, а также влияния религиозности на состояние преступности были посвящены: работа В. А. Никонова «Библия и уголовный закон» (Тюмень, 1995), кандидатские диссертации Н. А. Липского «Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (историко-правовой анализ)» (СПб., 2003) и Н. С. Федосовой «Уголовное право и религия: Проблемы взаимодействия и взаимодействия» (Владивосток, 2003), монография О. В. Старкова и Л. Д. Башкатова «Криминотеология: религиозная преступность» (СПб., 2004), труды Э. В. Георгиевского «Общая уголовно-правовая характеристика ранних религиозных верований» (М., 2007), «Уголовно-правовая юрисдикция Русской православной церкви» (Иркутск, 2007) и «Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию» (М., 2014), монография А. И. Бойко «Нравственно-религиозные основы уголовного права» (Ростов н/Д, 2007; М., 2010), сравнительно-правовые исследования Ю. А. Зюбанова «Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации» (М., 2007) и «Религиозные каноны и уголовный закон» (М., 2017), автор которых выдвинул идею признания религиозных норм социальным источником уголовного законодательства.

Под редакцией А. А. Толкаченко и К. В. Харабета были изданы монографии «Христианское учение о преступлении и наказании» (М., 2009) и «Мировые религии о преступлении и наказании» (М., 2013). В гл. I первого труда среди прочих вопросов рассмотрены ветхозаветные институты преступления и наказания, включая систему правонарушений Моисеева законодательства. Раздел I второго труда посвящен

¹ В последние годы в учебники по истории политических и правовых учений, а также по всеобщей истории государства и права стали включаться главы, посвященные библейским истокам права вообще и нормам Пятикнижия в частности (см.: *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства. М., 2010; *Графский В. Г.* История политических и правовых учений. М., 2011; *Исаев М. А.* История государства и права зарубежных стран: в 2 т. Т. 1. М., 2014 и др.).

иудейской концепции преступления и наказания, включает их общую характеристику по иудейскому учению и уголовно-правовую характеристику Моисеева закона. Тем не менее, проделанная учеными серьезная исследовательская работа, как они сами признают, «не претендует на всеохватность заявленной проблематики»¹, а исключительное значение последней требует ее дальнейшего осмысления.

Таким образом, отечественный и зарубежный опыт анализа библейских и юридических норм как взаимосвязанных явлений показывает, что одним из наиболее заметных проявлений социальной жизни, концентрирующих на себе усилия и религиозного, и правового механизмов регулирования, является сфера деликтных отношений, выступающих предметом уголовного права, особенно в части соотношения понятий «грех» и «преступление», «религиозная санкция» и «наказание» и т. п. Не случайно труды по истории древнего уголовного законодательства преимущественно представлены литературой «по двум основополагающим категориям уголовного права – преступление и наказание»². Названные выше работы это суждение только подтверждают. При этом многие другие важные институты и нормы древнего, включая ветхозаветное, уголовного законодательства освещены в литературе крайне скудно или вообще оставлены без внимания. Отсутствуют в юридической науке и труды, в которых проблематика Моисеева уголовного права и становление учения Пятикнижия о преступлении и наказании рассматривались бы в хронологически целостном виде как поступательный и сложный исторический процесс правотворчества и правоприменения, обусловленный соответствующими культурными, политическими, социально-экономическими и другими факторами, о которых также повествует Священное Писание.

На основании изложенного можно сделать вывод, что до настоящего времени центральный и наиболее авторитетный для последователей мировых монотеистических религий элемент библейской нормативной системы, каковым является религиозно-нравственно-правовое учение Пятикнижия, так и не стал самостоятельным предметом глубокого и комплексного научного историко-юридического, сравнительно-правового и уголовно-правового исследования, несмотря на свое исключительное значение в формировании уголовно-правовых систем современности и правосознания многих миллионов людей на всей планете.

¹ Мировые религии о преступлении и наказании: монография/науч.ред. А. А. Толкаченко, К. В. Харabet. М., 2013. С. 5.

² *Рогов В. А.* Указ. соч. С. 14.

Объектом исследования в диссертации стали древние тексты Пятикнижия, составившие ее источниковую основу и описывающие комплекс религиозно-нравственных, политических и иных общественных отношений, получивших в контексте политико-экономических и социо-культурных особенностей архаичного общества и Древнего Израиля значение важнейших объектов правовой охраны, детерминировавших своей значимостью рождение и развитие правовых идей и установлений о преступлении и наказании, обуславливающих доминанты ветхозаветной уголовной политики в период библейской истории, охваченный Пятикнижием.

Предмет исследования, соответственно, составили нашедшие отражение в Пятикнижии Моисея предпосылки, условия и закономерности генезиса ветхозаветного уголовного права, его отдельных норм и институтов, включая представления о преступности и наказуемости деяний, принципах уголовной ответственности и др., а также их проявления в законодательстве разных государств и эпох как результат рецепции правовыми системами иудео-христиано-мусульманской цивилизации. При этом следует признать, что архаичная эпоха истории права ставит определенные границы в изучении указанного предмета, обусловленные состоянием сохранившихся источников, не позволяющих объективно и полно исследовать всю совокупность уголовно-правовых норм и институтов древности.

Цель исследования состоит в реконструкции учения о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея, опираясь на результаты анализа и обобщения зафиксированных в нем конкретных норм, прецедентов, исторических повествований, мифов и иных религиозно-правовых установлений, в формировании базирующейся на этом учении концепции Моисеева уголовного права и исторической картины его развития, а также в установлении их значения и направлений использования для совершенствования современного законодательства, ориентируясь на проверенные тысячелетиями и остающиеся неизменными религиозно-нравственные установки, образующие идеологический базис ветхозаветного уголовного права. Для достижения указанных целей представляются необходимыми постановка и последовательное решение следующих научных задач:

- 1) исследовать древние тексты книги Бытие как источника иудейских и христианских представлений о происхождении мира и человека на предмет установления библейских начал уголовного права вообще и институтов преступления и наказания в частности, тенденций их развития в патриархальный период священной ис-

тории, охваченный первой книгой Ветхого Завета;

2) изучить и систематизировать уголовно-правовую составляющую синайской редакции Моисеева законодательства, иные нормы и казусы уголовно-правовой природы, содержащиеся в книге Исход – центральном источнике представлений Пятикнижия о преступлении и наказании, показать роль священного Декалога и иных законоустановлений второй книги Библии в уголовной политике Древнего Израиля и других государств;

3) рассмотреть содержащиеся в книге Левит дополнения к синайской редакции Моисеева уголовного права, показать влияние религиозных категорий «грех», «святость», «жертва» и др. на развитие представлений о преступлениях и наказаниях;

4) проанализировать казуистические и нормативные описания преступных деяний и полагающихся за их совершение наказаний, содержащиеся в книге Числа, сопоставить их как результаты постсинайского правотворчества и правоприменения с соответствующими установлениями предшествующих книг Ветхого Завета и корреспондирующими им нормами других уголовных законов;

5) провести исследование девтеронимической редакции Моисеева уголовного права, представленной в книге Второзаконие, на предмет динамики уголовной политики еврейского духовного и политического лидера и развития учения Пятикнижия о преступлении и наказании, их значения в описываемый в этой книге Торы исторический период, а также в современных условиях;

6) проследить и показать влияние религиозно-правовых идей Моисеева Пятикнижия на развитие отечественного и зарубежного уголовного права вообще и институтов преступления и наказания в частности;

7) разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства в направлении его сближения с господствующими в общественном сознании религиозными и нравственными нормами, опираясь на единую для иудео-христиано-мусульманской цивилизации систему религиозно-нравственных ценностей и поведенческих установок, нашедших признание и закрепление как в качестве объектов правовой охраны, так и в виде правовых принципов в древних нормах Моисеева законодательства о преступлениях и наказаниях.

Хронологические рамки исследования продиктованы структурой и содержанием Пятикнижия, отражающими своеобразную библейскую периодизацию истории, которая в силу своей оригинальности не поддается точному летоисчислению,

используемому в настоящие дни, ибо это «история, проходящая сквозь призму мирозерцания, совсем непохожего на наше»¹. Диссертация охватывает события ветхозаветной истории права от постановления Богом первого закона² до обновления завета Бога с Израилем перед завоеванием Земли Обетованной, повлекшего появление девтеронимической редакции Моисеева уголовного права³. Пользуясь историческими категориями и придерживаясь формационно-цивилизационного подхода, характерного для сравнительного правоведения, с известной долей условности, можно указать, что представленная в Пятикнижии и рассматриваемая в диссертации история институтов преступления и наказания и развития представлений о них охватывает собой огромный временной период – от каменного до бронзового века, когда начала формироваться еврейская государственность.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что она представляет собой первое в отечественной юридической науке комплексное монографическое исследование, где Тора рассматривается как источник древних представлений об институтах преступления и наказания, что позволило пополнить историю права и правовых учений новыми знаниями о ветхозаветных истоках уголовного законодательства и концепции Моисеева уголовного права. Впервые Пятикнижие детально исследовано сквозь призму уголовно-правовой доктрины для установления своеобразия ветхозаветных представлений о сущности преступления и наказания, их системе и видах в Моисеевом уголовном праве и др. В диссертации представлена подробная библейская картина рождения и поступательного развития институтов преступления и наказания – от грехопадения до начального этапа древнееврейского государственного строительства во взаимосвязи с знаменательными событиями ветхозаветной истории. В работе осуществлена классификация преступных деяний согласно синайской и девтеронимической редакциям Моисеева уголовного законодательства по признаку объекта посягательства, исходя из значимости конкретного вида общественных отношений в описываемый в Пятикнижии исторический период. В исследовании обоснована идея о прямой зависимости содержания ветхоза-

¹ Гальбати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). М., Милан, 1992. С. 14.

² Данное событие согласно библейской хронологии датируется VI тыс. до Р. Х. (см.: Даниил (Сысоев), иерей. Летопись начала. От сотворения мира до исхода. М., 2011. С. 53, 117–126 и др.).

³ Считается, что данные события имели место во II тыс. до н. э., а Тора возникла в I тыс. до н. э. (см.: Шифман И. Ш. Указ. соч. С. 86 и др.), что существенно осложняет исследование древнего законодательства по причине трудности ограничения аутентичного материала от более поздних дополнений и редакций.

ветных уголовно-правовых запретов и суровой наказуемости их нарушений от специфики религиозной системы Древнего Израиля и необходимости ее уголовно-правовой охраны как важнейшего объекта юридической защиты от угрожающих ее канонам посягательств, а также показана роль уголовного закона в защите самобытной национальной культуры и обеспечении духовной безопасности общества.

Таким образом, полученные результаты историко- и сравнительно-правового исследования Пятикнижия сквозь призму уголовного права вполне согласуются с суждением о том, что всякое научное обращение к Библии «есть одна из важнейших и всегда насущных социо-гуманитарных эвристик»¹.

Теоретическая и практическая значимость работы определяются системным юридическим анализом древних текстов Торы на предмет особенностей досинайских патриархальных установлений и Моисеева законодательства о преступлениях и наказаниях, их влияния на развитие уголовно-правовых систем государств иудео-христиано-мусульманской цивилизации. Исследование библейских истоков и ветхозаветной картины генезиса уголовного права в Пятикнижии предоставляет дополнительный материал для дальнейших научных разработок в области истории права вообще и уголовного права в частности, соотношения религиозных, нравственных и правовых норм, правовой защиты духовной безопасности. Постановка проблемы признания Пятикнижия древним источником уголовно-правовых норм государств иудейской, романо-германской, англосаксонской и мусульманской правовых систем открывает простор для историко-правовых, сравнительно-правовых и теоретико-правовых исследований самых разных направлений. Сформулированные в диссертации теоретические положения и выводы существенно развивают и дополняют исторический раздел юридической науки, правовое учение о происхождении и источниках уголовного законодательства и др., а потому представляют интерес для таких наук, как история права и государства, история политических и правовых учений, теория права и государства, уголовное право и др.

Содержащиеся в работе предложения по совершенствованию современного законодательства могут быть использованы в правотворческой деятельности при разработке направлений имплементации на внутригосударственном уровне не утративших актуальности ветхозаветных норм и библейских стандартов уголовно-пра-

¹ Рашковский Е. Б. Библейский луч (вместо введения) // Философия права Пятикнижия. М., 2012. С. 14.

вовой охраны духовной безопасности и иных социально значимых благ. Отдельные положения диссертации могут быть востребованы судебно-следственной практикой для квалификации преступных посягательств религиозной окраски, поскольку позволяют лучше уяснить сущность таких религиозно-правовых категорий, как религиозные убеждения, свобода совести и вероисповедания, религиозная ненависть и вражда, религиозный экстремизм и др., имеющих принципиальное значение для правовой оценки многих общественно опасных деяний.

Методология и методы исследования предопределяются целями работы и содержанием поставленных исследовательских задач. Методологической основой диссертации стала совокупность таких принципов научного познания, как объективность и историзм, системность и комплексность, предопределившая использование опирающихся на эти принципы методов научного исследования.

В частности, догматически-доктринальный метод позволил осуществить последовательный и логически-рациональный анализ древних текстов Пятикнижия сквозь призму основных понятий и категорий современной юридической науки вообще и науки уголовного права в частности, обосновать вывод об уголовно-правовой форме и содержании многих нормативных установлений Торы, а также выполнить реконструкцию учения Пятикнижия о преступлении и наказании и выстроить концепцию Моисеева уголовного законодательства.

Метод историко-правового исследования позволил сопоставить содержание древних ветхозаветных уголовно-правовых запретов и санкций с контекстом эпохи – историческими условиями их зарождения и становления¹. Поэтому он использовался для изучения и оценки генезиса и нормативного закрепления как религиозно-правовых и уголовно-правовых идей ветхозаветного пророка Моисея в целом, образующих правовое учение Пятикнижия о преступлении и наказании, так и конкретных уголовно-правовых запретов. При этом исследование формирования иудейского уголовного права в исторической ретроспективе согласно Пятикнижию осуществлено с применением хронологического инструментария, что во многом

¹ Как справедливо заметил А.В.Наумов, распространенное представление об истории уголовного права как истории его законодательства и науки «слишком обедняет эту историю», ибо «уголовный закон и уголовно-правовая наука любого исторического периода не могут быть поняты вне характеристики состояния преступности в соответствующем отрезке времени», которое, в свою очередь, детерминировано комплексом политических, экономических, социальных и иных факторов, которые не могут не входить в предмет историко-правового исследования, претендующего на объективность (см.: *Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I. М., 2014. С.3).*

предопределило структуру диссертационной работы, и опиралось на диалектический и эмпирический методы научного познания, что выразилось в системном использовании различных информационных источников, дополняющих Священное Писание. Комплексный подход к анализу ветхозаветных текстов, их толкований, комментариев, исторической и правовой литературы по исследуемым в диссертации вопросам предопределил необходимость проведения не только их правового и исторического анализа, но и применения социологического подхода к предмету исследования, требующего изучения социальной обусловленности и эффективности тех или иных уголовно-правовых запретов, представленных в Пятикнижии, с учетом конкретных исторических условий общественного развития.

Метод системного анализа позволил установить прямую зависимость Моисеева уголовно-правового учения от содержания религиозной доктрины Древнего Израиля и нравственных установок, определяющих народное мировоззрение, а также обусловленность диспозиций и санкций многих норм ветхозаветного уголовного законодательства особенностями монотеистической веры и ее исповедания, включая необходимость защиты от враждебного языческого окружения. Следование данному методу предопределило необходимость и целесообразность придерживаться в диссертации традиционного для отечественного правоведения духовно-культурологического подхода к ее предмету, который позволил при исследовании истории и содержания Моисеева уголовного права акцентировать внимание на его «глубинных, общекультурных, первичных, фундаментальных, духовных основаниях»¹, а также выявить проблему указанных оснований современного уголовного законодательства. Благодаря такому подходу, история и концепция ветхозаветного уголовного права, построенные в диссертации по материалам Пятикнижия, интегрируются «в духовно-ментальный, нравственный, культурологический страт социума»², а в результате и древнее, и современное уголовное законодательство предстает в исследовании как элемент сложной, но единой системы общественной духовности, с одной стороны, и необходимый и действенный инструмент ее защиты, с другой стороны.

Сравнительно-правовой метод позволил провести множество параллелей между ветхозаветным уголовным правом и уголовными законами разных народов и эпох, обосновать выводы о производности уголовно-правовых систем государств

¹ Сорокин В. В. Право и православие: монография. Барнаул, 2007. С. 20.

² Там же.

иудео-христиано-мусульманской цивилизации от Моисеева уголовного права и сохранении влияния учения Горы о преступлении и наказании на содержание правовых запретов новейшего времени и их отражения в общественном сознании.

Социологический метод в ходе исследования был применен для оценки влияния религиозных норм вообще и принципиальных установлений Моисеева законодательства в частности на правосознание и поведение современного человека. С его помощью были получены и обобщены результаты опроса граждан, позволившие признать религиозные и нравственные нормы важнейшими регуляторами поведения людей в современных условиях и обосновать актуальность серьезного научного осмысления вопросов соотношения норм права, нравственности и религии в условиях сложившейся правовой реальности.

Таким образом, разработка диссертации, соединившей в себе характерные черты историко-правового, сравнительно-правового и уголовно-правового исследования, потребовала комплексного и системного применения разнообразных общенаучных, частнонаучных и специальных методов научного исследования, что позволило сформулировать ряд **положений, выносимых на защиту**:

1. Моисеево религиозно-правовое учение, нашедшее отражение в Пятикнижии – самом древнем и авторитетном корпусе канонических книг Ветхого Завета Библии, будучи общепризнанным источником священных для иудеев, христиан и мусульман социальных норм, является оригинальным источником древнейших, но по сей день формирующих правосознание миллионов людей во всем мире представлений о преступности и наказуемости деяний, отраженных в нормах уголовного права. Оригинальность учения Пятикнижия о преступлении и наказании детерминирована единством характерной для него концепции уголовного права с религиозно-нравственными началами иудейского монотеизма, в силу которого:

– с одной стороны, древние библейские нормы о преступлениях и наказаниях производны от религиозной доктрины и призваны в первую очередь обеспечивать ее целостность и незыблемость уголовно-правовыми средствами как главнейшего объекта юридической защиты от преступных посягательств;

– с другой стороны, уголовное право освящено религиозной идеологией, органично вписано в нее и с помощью механизма сакрализации представлено как один из элементов всеобщего религиозного поклонения и своеобразная святыня.

2. Периодизация изложенной в Пятикнижии Моисея древней истории уголовного права, возникновения и развития институтов преступления и наказания может быть представлена как последовательность трех основных этапов:

а) постановление Богом первого в священной истории уголовного закона и его применение к преступившим его людям (описывается в начальных главах книги Бытие);

б) развитие законов Божьих в нормах обычного патриархального права: от заветов Бога с патриархами до установлений патриархов относительно поведения представителей своих народов (описывается в остальной части книги Бытие);

в) постановление и развитие Моисеева уголовного законодательства, установленного Богом через пророка Моисея, записанного, обнародованного и дополненного еврейским духовным и политическим лидером в результате многолетнего правотворческого процесса, охватывающего три стадии: постановление Богом на горе Синай заповедей Декалога и основанного на них Синайского кодекса (описывается в книге Исход), последующее дополнение и уточнение в течение сорока лет синайской редакции Моисеева уголовного права новыми нормами и институтами, формирование правоприменительной практики (описывается в книгах Левит и Числа), обновление закона перед завоеванием Земли Обетованной через постановление Девтерономического кодекса (описывается в книге Второзаконие).

3. Книга Бытие, повествующая о самых ранних событиях библейской истории, играет двоякую роль в учении Пятикнижия о преступлении и наказании:

– во-первых, она является библейским первоисточником норм о преступлениях, наказаниях и иных уголовно-правовых явлениях разной природы (законы Божьи, нормы обычного права, законоустановления различных древневосточных народов), из которых наиболее значимы: а) первый в библейской истории закон, данный Богом людям, Адаму и Еве, в виде заповеди о древе познания добра и зла, имевший форму и содержание уголовного закона, к нарушению которого исторически восходит представление о грехопадении как архетипе всякого преступления; б) закон Божий о запрете убийства (изначально – в виде Каиновой печати, впоследствии – в виде заповеди Ноевых законов), наказание за которое эволюционировало от изгнания до смертной казни;

– во-вторых, она выступает в роли прелюдии к Моисееву уголовному законо-

дательству, появление в котором каждой новой уголовно-правовой нормы представляется как результат детерминированной первопреступлением склонности человека к греху, а очищение человеческой природы от нее – как единственный путь к прекращению преступлений, в результате чего с начальных времен уголовная политика сакрализуется через ее санкционирование непререкаемым авторитетом Всевышнего Законодателя и Судьи.

4. Книга Исход образует ядро учения Пятикнижия о преступлении и наказании и, повествуя о чудесном появлении Декалога и постановлении Синайского кодекса, выступает центральным источником Моисеева уголовного права, синайская редакция которого характеризуется следующими основными чертами:

– установление оригинальной системы преступлений, опирающихся на порядок расположения Десяти заповедей и иерархию охраняемых общественных отношений (объектов преступлений), включая первостепенное значение духовной безопасности: а) религиозные преступления, направленные против Бога, веры и порядка богослужений; б) преступления против общественной нравственности, посягающие на уважительное отношение к родителям, основы социальной поддержки отдельных групп населения, этические начала сексуальных отношений и справедливость как нравственную основу правосудия; в) преступления против жизни, здоровья и свободы человека; г) преступления против собственности;

– учреждение системы наказаний, нацеленной на очищение виновного лица от греха путем компенсаторных мер, способных загладить вину и восстановить поруганную справедливость, либо на очищение общины от преступника, совершившего несмыаемый грех, и включающей телесные (смертная казнь, членовредительство), имущественные (выкуп, лишение имущества) и иные (порабощение, удаление в город убежища) наказания.

5. Книга Левит, призванная обеспечить святость народа, активно использует для защиты религиозной системы Древнего Израиля уголовно-правовые средства, включая юридические новеллы, развивающие учение Пятикнижия о преступлении и наказании и дополнившие синайскую редакцию Моисеева уголовного права:

– введение в систему уголовно наказуемых деяний института преступлений-проступков (грехов по неведению и ошибке), характеризующихся относительно невысоким по сравнению с собственно преступлениями уровнем общественной опасности, совершаемых случайно или по неосторожности, не влекущих суровых нака-

заний, искупаемых жертвоприношениями, сочетающими характерные черты покаяния как меры религиозной ответственности с имущественным взысканием как мерой юридической ответственности;

- учреждение заключения под стражу как превентивной меры принуждения, обеспечивающей условия для наказания в будущем виновного лица;

- установление прототипа амнистии – священного праздника юбилейного пятидесятого года, в честь которого подлежали освобождению из рабства лица, наказанные порабощением за преступления против собственности.

6. Книга Числа имеет тройное значение в ветхозаветном учении о преступлении и наказании, являясь источником норм, дополняющих Синайский кодекс, и многочисленных свидетельств практики его применения, а также переходным звеном между синайской и девтерономической редакциями Моисеева уголовного права, и содержит следующие юридические новеллы:

- дополнения, касающиеся института преступления: а) расширение системы религиозных преступлений новыми деяниями; б) начало криминализации посягательств на интересы политической власти; в) детальная классификация убийств по признакам объективной и субъективной стороны;

- дополнения, относящиеся к институту наказания: а) дальнейшая дифференциация способов исполнения смертной казни в зависимости от характера и степени общественной опасности преступлений; б) включение в систему наказаний временных изгнания и изоляции вне стана; в) детальная регламентация оснований назначения и порядка отбывания наказания в виде удаления в город убежища как законной меры ограничения применения обычая кровной мести и легальной альтернативы смертной казни.

7. Книга Второзаконие является источником, отражающим кульминационный момент развития учения Пятикнижия о преступлении и наказании, воплотившегося в обновленной и дополненной девтерономической редакции Моисеева уголовного законодательства, детерминированной необходимостью правовой регламентации жизни Израиля в новых географических, исторических и политических условиях и характеризующейся следующими основными чертами:

- закрепление существенно дополненной системы преступлений, классифицируемых по объектам посягательства на: а) религиозные преступления; б) преступления против общественной безопасности, включая как уже известные преступле-

ния против нравственности, так и ставшие новеллами преступления против здоровья населения, экологические преступления и нарушение правил безопасности строительных работ; в) преступления против государственной власти: нарушения норм института царской власти, преступления против правосудия, воинские и военные преступления; г) преступления против жизни, здоровья и свободы человека; д) преступления против собственности и иных имущественных интересов;

- расширение сложившейся системы наказаний путем дополнения ее новыми мерами уголовной ответственности (лишение власти, ограничение гражданских прав и публичное унижение) и акцентирование внимания на общепредупредительном устрашающем воздействии института наказания;

- устремленность к государственной будущности Израиля, новым политическим условиям его жизни в Земле Обетованной, на которую указывает криминализация посягательств на интересы государственной власти;

- отчетливо выраженная сакрализация уголовно-правовых запретов и сопровождающих их суровых санкций, освятившая их праведностью Бога-Законодателя и придавшая им значение правовых и богослужебных средств обеспечения и восстановления святости общества и каждого его члена.

8. Идейную основу учения о преступлении и наказании в Пятикнижии, реконструированного в результате анализа и обобщения конкретных норм заповедей Божиих, установлений патриархов, синайской и девтерономической редакций Моисеева уголовного права, а также прецедентов, исторических повествований, мифов и иных религиозно-правовых установлений, составляют:

- верховенство идеи богоустановленности и богоугодности уголовного закона, институтов преступления и наказания, направленных на предупреждение нарушений устроенного Богом или под Его руководством миропорядка и потому имеющих важное общественное и сакральное значение;

- признание Десяти заповедей идеологическим основанием криминализации общественно опасных деяний, очертившим перечень важнейших объектов правовой охраны и установившим тем самым общий объект всех преступлений, а также через закрепленную ими иерархию социальных ценностей предопределившим строение системы преступлений в Моисеевом уголовном праве;

- признание базовыми принципами институтов преступления и наказания политико-правовых идей в виде незыблемости закона как основы социальной стабиль-

ности, справедливости в ее оригинальном понимании (параллельное существование коллективной и индивидуальной ответственности, талион), своеобразного равенства перед законом (с некоторыми отступлениями), зарождающегося гуманизма;

- представления о преступлениях как о виновно совершенных нарушениях Десяти заповедей, а равно помыслах, словах и деяниях, запрещенных Богом под угрозой наказания в законе, записанном пророком Моисеем в книгу завета, направленных против Бога и веры, общества и человека;

- представления о наказаниях как заслуженных карах, мерах принуждения и иных неблагоприятных последствиях, применяемых к преступившему закон лицу Богом, обществом или потерпевшей стороной, и призванных служить достижению карательно-предупредительной (устрашающей), восстановительной (компенсаторной) и исправительной целей на фоне явного приоритета первой.

9. Учение Пятикнижия о преступлении и наказании оказало влияние на формирование уголовных доктрин и законов государств англо-саксонской, романо-германской и мусульманской правовых систем, и в подавляющем большинстве его положения воспроизводятся российским и зарубежными источниками уголовного законодательства, что указывает на его современное значение:

- во-первых, как исторической и религиозно-нравственной основы многих уголовно-правовых норм и институтов;

- во-вторых, как идейного ориентира, обуславливающего социальную оправданность и целесообразность ревизии действующего уголовного закона для установления гармонии с общепринятыми религиозно-нравственными нормами и его совершенствования с учетом особенностей правосознания российского общества, детерминированных принадлежностью к иудео-христиано-мусульманской цивилизации.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность содержащихся в диссертации выводов и иных положений обеспечивается обширной и представительной эмпирической, теоретической и нормативно-правовой базой исследования, публикацией основных научных положений диссертационной работы на страницах юридической печати и в иных изданиях, их широким обсуждением на различных научных мероприятиях и внедрением в учебный процесс высших учебных заведений, а также соответствием результатов исследования базовым положениям наук теории и истории права и государства, истории политических и правовых учений, уголовного права.

В частности, **эмпирическую базу** диссертационного исследования составили древние тексты канонических книг Ветхого Завета Библии, образующих священный корпус Пятикнижия – Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. При этом за основу был взят Синодальный перевод книг Священного Писания на русский язык, опубликованный в завершеном виде в 1876 г. и утвержденный Святейшим Правительствующим Синодом¹. Кроме того, в работе были использованы авторский научный перевод Моисеева Пятикнижия (Учения), подготовленный авторитетным востоковедом И. Ш. Шифманом², русский перевод ивритского текста Торы, выполненный П. Гилем³, а также современный русский перевод Библии, подготовленный Российским Библейским обществом и опубликованный впервые в 2011 г.⁴ Эмпирическая база исследования охватывает и иные тексты Библии, Талмуда и Корана, корреспондирующие с нормативными установлениями Пятикнижия, а также ветхозаветные апокрифы и различные письменные памятники, древние иудейские и христианские предания, позволяющие рассмотреть библейские уголовно-правовые нормы с позиций народного правосознания, а также результаты исследований и другие данные специалистов в области права и богословия по рассматриваемым в диссертации и смежным вопросам, результаты социологических исследований ВЦИОМ и собственного социологического опроса и др. При этом своеобразие и специфическое состояние источников эмпирических данных, относящихся к древнейшей эпохе истории права, предопределяет объективное существование определенных границ предмета диссертационного исследования и необходимость двойного подхода к правовому анализу Пятикнижия:

– с одной стороны, исторический аспект исследования требует уяснения социального смысла и значения ветхозаветных уголовно-правовых установлений в конкретную эпоху их появления и последующего активного применения;

– с другой стороны, сравнительно-правовой аспект исследования делает необходимой оценку ветхозаветных представлений о преступлении и наказании, основанных на них конкретных норм древнего Моисеева уголовного права с позиций современной уголовно-правовой доктрины, действующего законодательства, а также характерного для нынешней эпохи общественного правосознания.

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2008.

² Учение. Пятикнижие Моисеево / пер., введение и коммент. И. Ш. Шифмана. М., 1993.

³ Тора. Пятикнижие и Гафтарот. Иврит. текст с рус. перев. и классическим коммент. «Сончино». Иерусалим, М., 2001.

⁴ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Современный русский перевод. М., 2011.

Теоретические основы исследования. С целью реконструкции исторического пространства, в котором происходило становление и развитие Моисеева уголовного законодательства, в диссертации использовались труды историков и правоведов, в частности древнееврейского историка Иосифа Флавия, британского этнолога и религиоведа Дж. Дж. Фрэзера, отечественных и зарубежных специалистов в области истории Древнего Востока П. Джонсона, Б. А. Тураева, Ю. Б. Циркина, И. Ш. Шифмана и др., а также работы российских ученых-правоведов Ю. М. Антонына, В. Г. Графского, М. А. Исаева, И. М. Лурье, Г. В. Мальцева, В. С. Нерсесянца и др., посвященные политико-правовым идеям и традициям Древнего мира. В целях обеспечения широты исследования и достоверности его результатов, большей объективности исследования текстов Библии и его соотнесения с русской культурной и интеллектуальной традицией в диссертации были использованы труды русских религиозных философов Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, В. С. Соловьева, посвященные влиянию религии на правосознание и правовую культуру личности и общества, а также было уделено внимание критике богословского истолкования библейских норм со стороны последователей естественно-правовой теории Вольтера, Т. Гоббса и представителей советского научного атеизма И. А. Кривелева, Е. М. Ярославского и др. Необходимые для историко- и сравнительно-правового исследования Пятикнижия теоретико-правовые основы составили труды представителей отечественной и зарубежной юридической науки С. С. Алексеева, Л. А. Андреевой, П. Д. Баренбойма, Г. Дж. Бермана, А. И. Бойко, Э. В. Георгиевского, В. Н. Жукова, Ю. А. Зюбанова, Е. В. Калининой, И. Ю. Козлихина, А. В. Корнева, В. Н. Кудрявцева, А. А. Куприянова, В. И. Лафитского, А. В. Наумова, Р. А. Папаяна, В. А. Рогова, В. Б. Романовской, Ю. В. Романца, К. Е. Сигалова, Л. Р. Сюкияйнена, В. В. Сорокина, Н. С. Таганцева, А. А. Тер-Акопова, А. А. Толкаченко, К. В. Харабета, В. Е. Чиркина и др. по проблемным вопросам соотношения норм религии, морали и права, включая влияние религиозной доктрины на развитие представлений о преступлении и наказании. Кроме того, широкое применение в диссертации нашли философские и богословские комментарии к различным положениям Пятикнижия о преступности и наказуемости деяний, содержащиеся в работах российских и зарубежных философов, христианских и иудейских богословов и экзегетов – свт. Григория Нисского, свт. Игнатия (Брянчанинова), свт. Иоанна Златоуста, свт. Николая Сербского (Велиморовича), свт. Феофана Затворника, свт. Филарета (Дроздова),

преп. Ефрема Си-рина, преп. Иоанна Дамаскина, прот. Александра (Меня), прот. Николая (Иванова), о. Георгия (Чистякова), о. Даниила (Сысоева), о. Серафима (Роуза), раввина Аарона Пэрри, раввина Михаэля Когана, раввина Моше бен Маймона (Маймонида), А. Азимова, П. Аксенова, К. Бартоломью, У. Брюггемана, Л. Гинцберга, М. Гохина, А. А. Гусейнова, Дж. Дрейна, П. В. Добросельского, А. П. Лопухина, М. Г. Селезнева, И. Р. Тантлевского, С. В. Тищенко, А. Томпсона, Ф. В. Фаррара, Э. Ценгера, С. Дж. Шульца, Д. В. Щедровицкого, П. А. Юнгерова и др.

Нормативно-правовая база диссертации представлена как нормами древнееврейского уголовного права, ставшими основным предметом исследования, так и разнообразными источниками отечественного и зарубежного действующего и утратившего юридическую силу уголовного и иного законодательства, необходимость обращения к которым была вызвана сравнительно-правовой направленностью отдельных фрагментов диссертационной работы.

Апробация результатов исследования осуществлялась посредством:

– внедрения отдельных из них в учебный процесс высших учебных заведений (при проведении занятий по дисциплинам «Актуальные проблемы уголовного права», «История государства и права зарубежных стран», «История и методология уголовного права», «История политических и правовых учений», «Правоведение», «Уголовное право»);

– обсуждения диссертации на совместном заседании кафедры теории и истории государства и права и кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии, на заседании сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук;

– докладов и обсуждений основных положений диссертации на различных научных конференциях и других представительных научных мероприятиях;

– направления в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации авторских предложений по совершенствованию законодательства;

– публикации основных результатов диссертационного исследования в научных и учебных изданиях, включая монографии, учебные пособия и научные статьи, в том числе в периодических изданиях, включенных ВАК Минобрнауки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (общим объемом 145,54 п. л.).

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из пяти глав, расположенных в соответствии с библейской хронологией истории права, а также введения, заключения, библиографического списка использованных источников и приложений в виде схем и результатов анкетирования, наглядно иллюстрирующих выводы, содержащиеся в работе.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются состояние ее научной разработанности, а также объект и предмет, цели и задачи исследования, его методологическая и источниковая основы, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость выполненной работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Книга Бытие как библейский первоисточник уголовного права и древнейших представлений о преступлении и наказании» посвящена исследованию Моисеева правового учения в части представлений о появлении уголовного закона и библейской картины его последующего развития в самый ранний (патриархальный) период священной истории.

В **первом параграфе «Логос как единое начало закона Божия и закона уголовного»** исследуются представления отдельных российских ученых-правоведов и христианских богословов о Слове Божиим как животворящем начале нравственного, юридического, в том числе уголовного, и всякого иного закона, а также выдвигается и обосновывается гипотеза о признании первой книги Ветхого Завета библейским первоисточником уголовного права и архаичных представлений о преступлении и наказании. Сопоставление идей и суждений авторитетных представителей юриспруденции и теологии о законе Божиим и законе государственном позволило сделать вывод о многообразии точек соприкосновения уголовного права и христианства, включая его самые древние ветхозаветные источники, а также о значении уголовного законодательства как важного и неотъемлемого компонента духовной культуры – освященного Словом Божиим культурного феномена.

Во **втором параграфе «Библейская концепция происхождения уголовного закона, появления преступления и наказания»** обосновывается вывод, что первым в библейской трактовке истории человечества уголовно-правовым (как по форме, так и по содержанию) законоустановлением стала заповедь, постановленная

Богом для первого человека (Адама) после его поселения в раю – «от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 16–17). Кроме того, в параграфе рассмотрены особенности формы и содержания диспозиции и санкции этой протонормы, проведены параллели с современными представлениями о норме уголовного закона, показано, что заповедь о древе познания добра и зла – это и частный уголовно-правовой запрет, установленный для конкретных условий времени, места и субъектов, и универсальный ветхозаветный прототип закона вообще – и уголовного, и нравственного, прообразующего и вмещающего все богатство последующих законов, как исходящих от Бога, так и санкционированных Им или отвечающих качествам справедливости Божией.

Далее исследуется ветхозаветное повествование о совершении первыми людьми первопреступления – нарушения в результате грехопадения первого уголовного закона, а также о его негативных «правовых» последствиях для прародителей и всего человечества. Показано, что термин «преступление» как краеугольный камень в науке уголовного права согласно библейскому учению своими корнями восходит к грехопадению – преступлению Адамом и Евой заповеди Божией, имевшему антитеократическую направленность, но ставшему архетипом всех последующих преступлений, совершенных и совершаемых людьми и принесшему в мир все остальные преступления. Правовой анализ грехопадения и назначенных прародителям наказаний позволил усмотреть в древних текстах книги Бытие библейские начала многих уголовно-правовых институтов и понятий, включая вину, соучастие, неотвратимость и исправительное воздействие наказания, индивидуализацию уголовной ответственности, классификацию наказаний на основные и дополнительные и др., а также показать производность института деятельного раскаяния от христианского покаяния, а помилования – от милости Божией.

Третий параграф «Отражение архаичных представлений об убийстве в книге Бытие» посвящен правовому анализу повествования о первом убийстве, совершенном первым родившимся человеком, Каином, из зависти и гнева преднамеренно лишившим жизни младшего брата, Авеля. В диссертации библейский сюжет о братоубийстве получил правовую оценку не только мифологического прообраза нормы о преступности и наказуемости убийства вообще, известной всем уголовным законам, но и прототипа квалифицированного вида убийства, совершенного по мотиву религиозной ненависти и вражды. Особое внимание уделено приговору Бога,

назначившего Каину в качестве наказания изгнание и пометившего братоубийцу таинственной печатью. Данный архаичный этап библейской истории уголовного права характеризуется отсутствием смертной казни в системе наказаний, что соответствует современным представлениям об изгнании как самой суровой и распространенной карательной санкции за тяжкие преступления в первобытном мире. Анализ различных толкований сути Каиновой печати привел к выводу, что она состоит в некой таинственной, но видимой форме уголовного закона, закрепляющей запрет на убийство под угрозой проклятия Божия, являя собой еще не письменную, но каким-то иным неведомым образом материализованную форму запрета кровопролития, обеспечивающую его общедоступность. В данном параграфе рассмотрены и иные случаи посягательств на жизнь, описываемые в книге Бытие.

В четвертом параграфе **«Проявление принципов вины и справедливости в библейских повествованиях о всемирном потопе и уничтожении Содома и Гоморры»** анализируются основания назначения и применения массовой казни сначала ко всему допотопному человечеству, а позже – к грешным жителям указанных древних городов. В связи с этим, с позиций уголовно-правовой доктрины о вине и справедливости, был поставлен вопрос о принципах уголовно-правового учения Торы, в поисках ответа на который был получен следующий вывод. Даже в трагических библейских мифах о потопе, Содоме и Гоморре Бог предстает исключительно как справедливый Судья, поскольку суровому наказанию смертью подверглись только виновные во зле жители Земли (но спасены от гибели в водах потопа невинные праведник Ной и его семья) и только грешные жители названных городов (но избавлены от казни дождем из огня и серы невинные праведник Лот и его дочери). Своеобразие принципов вины и справедливости в этот период библейской истории институтов преступления и наказания заключалось в допущении объективного вменения и коллективной уголовной ответственности. Кроме того, в данном параграфе освещена библейская картина послепотопного правотворчества, выразившегося в завете Бога с патриархом Ноем. Особое внимание при этом уделено норме Ноевых уголовных законов о кровопролитии – *«кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека»* (Быт. 9, 6), в которой впервые в священной истории привычным правоведу образом описывается состав убийства и впервые предусмотрено наказание в виде смертной казни, применяемой не Богом, а человеком. Показано значение Ноевых законов в ветхозаветной истории уголовного

права, ставших на долгое время основой правовой жизни потомков родоначальника слепопотопного человечества вплоть до появления Моисеева законодательства.

Пятый параграф «Преступления против нравственности и иные общеуголовные деяния в книге Бытие» содержит анализ многочисленных казуистических описаний различных преступных деяний, нашедших отражение в первой книге Ветхого Завета. Самую многочисленную группу таких деяний образуют разнообразные преступления против общественной нравственности, чаще всего проявляющиеся в виде посягательств на сложившиеся в архаичном обществе основы брачно-семейных и сексуальных отношений (неуважительное отношение к отцу, нарушение закона деверства, сожительство с чужой женой, блудодеяние, инцест и др.). Повышенное внимание ветхозаветных установлений начального периода священной истории к преступлениям против нравственности служит авторитетным обоснованием актуальности и социальной необходимости уголовно-правового обеспечения духовной безопасности личности и общества и в наши дни. При этом в диссертации показана непоследовательность библейского повествования в оценке преступности схожих аморальных деяний. В данном параграфе также были рассмотрены указания книги Бытие на преступность и наказуемость в патриархальном Израиле таких общеуголовных деяний, как хищение, включая прообраз хищения культурных ценностей, изнасилование, похищение и незаконное лишение свободы человека и др. Кроме того, заключительный параграф первой главы включает обзор немногочисленных свидетельств первой книги Библии о преступности согласно законодательству Древнего Египта хищений, изнасилований, прелюбодеяний, контрабанды и посягательств против власти фараона, наказываемых порабощением, заключением в темницу и смертной казнью, поскольку, как полагают специалисты, египетское государственное уголовное право могло повлиять на правовое учение пророка Моисея о преступлении и наказании.

Вторая глава «Книга Исход как источник синайской редакции Моисеева уголовного законодательства и ядро учения Пятикнижия о преступлении и наказании» посвящена центральным событиям ветхозаветной истории права, связанным с рождением священного Декалога – идейной основы Моисеева уголовного законодательства и древней протоконституции права иудео-христиано-мусульманской цивилизации, а также с составлением пророком Моисеем Синайского кодекса – центрального источника представлений Торы о преступлениях и наказаниях.

Первый параграф «Представления о преступлениях и наказаниях, относящиеся к периоду египетского владычества над Израилем» охватывает содержание второй книги Библии, относящееся к четырехсотлетнему периоду проживания евреев на положении рабов в Древнем Египте, и включает обзор и оценку соответствующих событий и повествований, имеющих криминальную окраску. В частности, в этом параграфе рассмотрен вопрос о влиянии египетского права и обычаев на правосознание общества Израиля; дана правовая оценка приказу фараона убивать новорожденных еврейских младенцев и другому жестокому обращению египтян с евреями как древнему прообразу геноцида, а также убийству Моисеем египетского надсмотрщика; показаны уголовно-правовые аспекты библейского повествования о казнях египетских, древние представления о народе как коллективном субъекте ответственности за преступления против Бога, начала формирования института ритуальных преступлений и др.

Во **втором параграфе «Общая характеристика и принципы Синайского уголовного права»** законоустановления книги Исход, относящиеся к синайскому периоду библейской истории уголовного права, классифицированы по порядку их появления на три группы: а) хронологически первые нормы-запреты о поведении у горы Синай как священного места присутствия Бога; б) нормы Синайского кодекса – относительно систематизированного свода законов Божиих преимущественно уголовно-правового содержания, записанные Моисеем в книгу завета; в) Десять заповедей Господних, высеченных на каменных скрижалях, являющихся ветхозаветной конституцией и потому имеющих уголовно-правовое значение.

В результате исследования синайской редакции Декалога (Исх. 20, 2–17) показаны его сверхзначимость для формирования ветхозаветного законодательства и развития права современной иудео-христиано-мусульманской цивилизации, наличие прямой связи Десятисловия с древним и действующим уголовным правом: а) подавляющее большинство заповедей («не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства» и др.) имеют очевидные уголовно-правовые природу, характер и форму в виде четко определенных запретов на совершение издревле общеизвестных преступлений; б) каждая заповедь развивается, как правило, в свод соответствующих норм, учреждая самостоятельный правовой институт особенной части Моисеева уголовного права – отдельную группу преступлений.

Анализ конкретных норм Синайского уголовного кодекса, их последующее

обобщение и сопоставление с правовыми идеями, положенными в основание современного уголовного законодательства, позволили сделать вывод, что Моисеево учение о преступлении и наказании опирается на принципы: а) божественной природы и сакрального значения уголовного закона; б) законности как инструмента ограничения произвольного насилия и мести; в) равенства субъектов преступлений на фоне неравенства субъектов уголовно-правовой защиты; г) виновности, не исключая коллективной ответственности; д) справедливости в ее буквальном, упрощенном понимании; е) зарождающегося гуманизма.

В третьем параграфе «Институт преступления в Синайском уголовном праве» в результате анализа, системного толкования и сравнительно-правового исследования были получены общие представления о преступлении, характерные для уголовно-правового учения Моисея, и сформулирована соответствующая дефиниция: преступлениями Синайским уголовным законодательством признаются виновно совершенные нарушения Десяти заповедей, записанных Господом на каменных скрижалях, а равно деяния (действия или бездействие), слова и помыслы, запрещенные под угрозой наказания Господом в законе, данном Им сынам Израилевым на горе Синай через пророка Моисея и записанном в книгу завета, направленные против Бога и веры, общественного порядка, нравственности и человека.

Обращение к условно выделяемой особенной части Синайского уголовного кодекса позволило построить систему преступлений, опирающуюся на порядок расположения священных Десяти заповедей и наглядно выражающую концепцию первоначальной редакции Моисеева уголовного права:

1) преступления против Бога и веры (религиозные преступления):

а) собственно преступления против Бога: исповедание иных богов (Исх. 22, 20) и принесение им жертв (Исх. 23, 24); идолопоклонство (Исх. 32, 1–35); ворожба (Исх. 22, 18); оскорбительное упоминание имени Бога всуе (Исх. 20, 7);

б) преступления против порядка исповедования веры и богослужений (ритуальные преступления): нарушение закона о всеобщем посвящении субботы исповеданию веры (Исх. 20, 8–11; 31, 14–15; 35, 2); преступные нарушения богослужебного устава (Исх. 30, 19–21, 33, 38);

2) преступления против общественной нравственности:

а) преступления против уважительного отношения к родителям: насилие в отношении родителей (Исх. 21, 15); злословие в отношении родителей (Исх. 21, 17);

б) преступления против нравственного отношения к отдельным представителям населения, нуждающимся в социальной поддержке: притеснение пришельцев (переселенцев), вдов и сирот (Исх. 22, 21–24);

в) преступления против нравственных начал сексуальных отношений: блудодеяние (Исх. 22, 16–17; 34, 15–16); прелюбодеяние (Исх. 20, 17); скотоложство (Исх. 22, 19);

г) преступления против справедливости как нравственной основы правосудия: лжесвидетельство (Исх. 20, 16); мздоимство в суде и вынесение несправедливых решений (Исх. 23, 1–3, 6–8); злословие в отношении судей (Исх. 22, 28);

3) преступления против человека:

а) посягательства на жизнь, здоровье и свободу свободного человека: умышленное (Исх. 20, 13; 21, 12, 14) и неосторожное (Исх. 21, 13, 29–30) убийство; применение насилия, не повлекшее причинения смерти и телесных повреждений (Исх. 21, 18–19); прерывание беременности (Исх. 21, 22); причинение телесных повреждений (Исх. 21, 22–25); похищение и продажа человека (Исх. 21, 16);

б) причинение вреда жизни и здоровью раба: нанесение смертельных ударов (Исх. 21, 20–21); причинение смерти по неосторожности (Исх. 21, 32); причинение увечий и иного физического вреда (Исх. 21, 26, 27);

4) преступления против собственности:

а) хищения: кража (Исх. 20, 15); хищение домашнего скота (Исх. 22, 1–4); хищение поклажи (Исх. 22, 7);

б) уничтожение или повреждение чужого имущества: причинение гибели домашнему скоту (Исх. 21, 33–36); потрава поля или виноградника (Исх. 22, 5); поджог поля с жатвой или копнами (Исх. 22, 6).

Четвертый параграф «Институт наказания в Синайском уголовном праве» отражает результаты исследования, которое показало, что базовыми правовыми идеями учения Пятикнижия о наказании являются: а) неотвратимость наказания, не знающая исключений; б) равное для всех наказание за одинаково опасное по своему характеру преступление; в) дифференциация вида и размера наказания в зависимости от степени тяжести причиненного преступлением вреда; г) ограничение в законе пределов допустимого наказания лица, совершившего преступление, в зависимости от характера причиненного им вреда. При этом система наказаний синайской редакции Моисеева уголовного права охватывает собой:

1) телесные наказания: а) смертная казнь, наиболее часто упоминаемая в

книге Исход и установленная за религиозные преступления, посягательства на жизнь, общественную нравственность и др.; б) различные виды членовредительских наказаний, установленные за причинение соответствующих телесных повреждений (по принципу талиона);

2) имущественные наказания: а) выкуп – своего рода штраф, выплачиваемый потерпевшему за причинение вреда здоровью и преступления против собственности; б) лишение имущества путем: освобождения раба, подвергшегося причинению отдельных видов вреда здоровью; передачи своего имущества потерпевшему за некоторые преступления против собственности; забивания бодливого вола камнями с запретом употребления в пищу его мяса за недостаточную предусмотрительность и внимательность хозяина этого домашнего животного;

3) иные виды наказаний – прототипы лишения или ограничения свободы: а) продажа в рабство; б) удаление в города-убежища.

Положения Синайского кодекса о преступлениях и наказаниях были сопоставлены с соответствующими нормами утративших юридическую силу и действующих уголовных законов разных государств и эпох, включая древневосточные юридические памятники, источники российского уголовного права и др.

Третья глава «Развитие представлений о преступлениях и наказаниях в дополнениях книги Левит к синайскому уголовному законодательству» состоит из трех параграфов, в которых исследуется влияние религиозной категории святости, института священства и положений Священнического устава третьей книги Библии на развитие Моисеева учения о преступлении и наказании.

В первом параграфе «Соотношение понятий "грех по неведению и ошибке" и "преступление"» показаны корреляция понятий «грех» и «преступление» согласно уголовно-правовому учению Пятикнижия, место отдельной разновидности греховного поведения – грехов по неведению и ошибке в системе особенной части Моисеева уголовного законодательства, определено их значение как особого вида преступлений, именуемых в юридической науке нового времени преступлениями-проступками. По результатам данной части исследования сформулирована соответствующая дефиниция: грехи по неведению и ошибке представляют собой преступления-проступки, характеризующиеся относительно невысоким по сравнению с собственно преступлениями уровнем общественной опасности, совершаемые случайно либо по легкомыслию или небрежности, а потому не влекущие за

собой суровых мер наказания и искупаемые жертвоприношениями.

Кроме того, в данном параграфе предпринята попытка систематизации различных преступлений-проступков, упоминаемых или описываемых в третьей части Торы, результатами которой стали следующие построения:

- 1) по признакам субъекта преступного посягательства:
 - а) коллективные преступления-проступки (Лев. 4, 13–14);
 - б) индивидуальные преступления-проступки общего (Лев. 4, 2, 3, 27–28, 32) или специального субъекта – священника (Лев. 4, 3) и начальника народа (Лев. 4, 22, 23);
- 2) по характеру дополнительных к жертве за грех действий виновного лица:
 - а) деяния, для искупления которых требуется исповедоваться прежде принесения жертвы повинности, характер которой определяется виновным субъектом в зависимости от его имущественного положения (Лев. 5, 1–7, 11);
 - б) деяния, для искупления которых наряду с принесением жертвы повинности требуется возмещение ущерба и выплата компенсации (Лев. 5, 15–16; 6, 2–7).

Второй параграф «Уголовно-правовое значение жертвоприношения» содержит аргументы в пользу вывода об изменении социального значения принесения жертв Богу по Кодексу святости книги Левит (по сравнению со схожими ритуалами, описываемыми в книге Бытие и в досинайских главах книги Исход), что позволяет усмотреть уголовно-правовую окраску соответствующих обрядовых действий: а) жертвоприношение преследует те же цели и решает те же задачи, что стоят перед уголовно-правовым институтом наказания; б) многие из нарушений порядка и правил принесения жертв (самое опасное из них – принесение жертв «чужим» богам) признаются преступлениями, влекущими суровые кары.

Обращение к уголовно-правовому значению жертвоприношений позволило выделить в нем ряд психологических (интеллектуально-волевых) и поведенческих компонентов, являющихся важными элементами правосознания и предпосылками законопослушного образа жизни по учению Торы о преступлении и наказании:

- 1) внутреннее, глубинное (на уровне интуитивного) осознание лицом если не противоправности, то греховности своего поведения, самоосуждение;
- 2) понимание недопустимости такого варианта поведения ввиду его запрещенности Богом и очевидной для всех общественной опасности;
- 3) осознание не только осуждения Богом подобных поступков, но и их публичного порицания, т. е. понимание греховной и асоциальной природы деяния;

4) желание лица на уровне убежденности и решимости не совершать подобные поступки в будущем, искреннее стремление к воздержанию от таких деяний в последующей жизни как психологическое условие деятельного раскаяния;

5) публичные действия лица, символически воплощающие в обряде жертвоприношения юридически значимые акты: а) заявление пред лицом Бога и единоверцев о совершении греха (признание вины, «явка с повинной»); б) заявление о раскаянии в содеянном; в) обещание воздерживаться от повторения такого греха;

б) символические обрядовые действия, означающие принятие покаяния и прощение лица, принесшего жертву.

В третьем параграфе «Виды преступлений по книге Левит» рассматриваются нашедшие отражение в четвертой книге Ветхого Завета нормы и казусы о преступности и наказуемости отдельных деяний, развивающие синайскую редакцию Моисеева уголовного права. С одной стороны, и в книге Левит среди уголовно наказуемых деяний на первый план выходят религиозные преступления, но, с другой стороны, в силу специфики содержания и значения этой книги Библии как Священнического устава религиозные преступления отбрасывают в ней тень даже на общеуголовные деяния, в результате чего преступления против общественной нравственности, брачно-семейных и иных частных отношений, предстают в несвойственной им сегодня роли кощунственных посягательств на святость богоизбранного народа и осквернения среды пребывания Бога.

Четвертая глава «Развитие представлений о преступлениях и наказаниях в дополнениях книги Числа к синайскому уголовному законодательству» охватывает постсинайский период правотворчества и правоприменения во время сорокалетнего странствия еврейского народа по пустыне, которое стало наказанием Господним за преступное неверие и малодушие, проявленное Израилем.

В первом параграфе «Религиозные преступления в книге Числа» рассмотрены многочисленные библейские свидетельства о преступлениях еврейского народа против Бога и веры, а также о многократном наказании Израиля и последующем милостивом прощении его Богом по молитвам Моисея. При этом все религиозные преступления, описываемые в книге Числа как в виде отдельных норм, так и в виде конкретных примеров классифицированы в зависимости от направленности действий и умысла виновных следующим образом:

1) преступления против Бога в виде совершаемых индивидуально либо кол-

лективно деяний, свидетельствующих о неверии в Его могущество, малодушии по отношению к Всевышнему и отпадении от иудейской веры (ропот против Бога (Числ. 11, 1, 19–20, 33–34); маловерие, слабость веры в Бога (Числ. 14, 27–37, 41–45; 20, 23–27; 21, 4–6; 27, 12–14); поклонение иным богам (Числ. 25, 1–9));

2) преступные нарушения устава о религиозных праздниках и других особых датах еврейского церковного календаря (дополнения к закону о Пасхе (Числ. 9, 1–14); нарушение закона о субботе (Числ. 15, 32–36));

3) преступления против порядка богослужений, отправления культа, описываемые в нормах, дополняющих Священнический устав книги Левит, или через примеры поражения наказанием нарушителей ритуальных законоустановлений (нарушение правил о святости скинии и ее принадлежностей (Числ. 1, 50; 4, 4, 15, 19; 18, 3, 22); самовольное посягательство на священство (Числ. 3, 10; 16, 1–35, 40; 18, 7; 26, 9–10); недопустимые деяния в скинии (Числ. 3, 38; 18, 1)).

В параграфе отмечается специфика данных положений книги Числа, выразившаяся в своеобразии выполняемых ими функций:

1) уголовно-правовое обеспечение под угрозой смерти почитания материальных предметов, связанных с присутствием невидимого, нематериального Бога, вытесняя из общественного сознания поклонение идолам – материальным воплощениям языческих богов в виде их изображений;

2) сакрализация института священства не только через особое правовое и социальное положение вообще, но и уголовно-правовой статус в частности в виде как особо охраняемого средствами уголовного закона привилегированного положения первосвященника, священников и их помощников – левитов, так и специальных (особых) оснований их привлечения к уголовной ответственности.

Второй параграф «Преступные посягательства на политическое лидерство пророка Моисея и библейские начала сакрализации государственной власти» отражает результаты историко-правового анализа библейских рассказов о посягательствах на особое положение Моисея в Израиле не только как пророка (духовного лидера), но и как народного вождя (политического лидера). Показано, что в книге Числа Моисей предстает как лицо, политическое положение которого в обществе стало особым объектом уголовно-правовой охраны, а также как лицо неприкосновенное, неподвластное никакому земному суду. Всякая попытка осуждения Моисея со стороны кого бы то ни было, тем более любая угроза его лидерству в

среде Израиля, объявлены преступлениями. Обосновывается вывод, что соответствующие казуистические установления четвертой книги Ветхого Завета заложили библейские начала сакрализации различных институтов политической власти и их уголовно-правовой охраны, ставшие древними прообразами современного уголовно-правового института преступлений против государственной власти.

В третьем параграфе **«Виды убийств и наказаний за их совершение в книге Числа»** показаны результаты постсинайского правотворчества в области правовой охраны человеческой жизни, выразившиеся в детальной классификации убийств и попытке дифференциации наказаний, полагающихся за их совершение. Книга Числа не ограничивается всеобщим и категоричным запретом на убийство, в ней нашла закрепление цельная и развитая система преступлений против жизни, вобравшая в себя развернутые описания различных видов составов соответствующих преступлений, в основу классификации которых положены:

1) орудие и способ причинения смерти – признаки объективной стороны: причинение смерти железным (Числ. 35, 16), деревянным (Числ. 35, 18) орудием, камнем (Числ. 35, 17) или такими способами, как *«толкнет кого»*, *«бросит на него что-нибудь»*, *«ударит его рукою»* (Числ. 35, 20–21);

2) форма вины (убийство с умыслом (Числ. 35, 16–21) или без умысла (Числ. 35, 22–24)) и мотив (убийство по мотивам ненависти, вражды (Числ. 35, 20–21)) – признаки субъективной стороны.

Особое внимание в параграфе уделяется отчетливо проявившемуся в книге Числа стремлению Моисея-законодателя ограничить сферу применения древнего обычая кровной мести и детальной регламентации оснований назначения и порядка отбывания наказания в виде удаления в город убежища лица, причинившего смерть по неосторожности. Отмечается двоякое прогрессивное значение данной меры уголовной ответственности в библейской истории и концепции Моисеева уголовного права: а) как сдерживающего фактора в отношении необузданной кровной мести; б) как альтернативы частому применению смертной казни.

Четвертый параграф «Преступления против здоровья и нравственности общества как посягательства на святость Израиля» посвящен анализу положений книги Числа, позволяющих получить представление о постсинайских новеллах, касающихся преступности и наказуемости таких общественно опасных деяний, как

1) преступления против телесной чистоты и здоровья населения: а) заболева-

ние проказой; б) страдание кровотечениями и другими болезненными выделениями; в) прикосновение к мертвому (Числ. 5, 1–4; 19, 11–20);

2) преступления против нравственности, предусмотренные законами: а) о тайном прелюбодеянии и ревности (Числ. 5, 12–31); б) о военной добыче (Числ. 31, 25–30, 53), где даже отдельные проявления алчности представлены как преступные посягательства на духовную чистоту, святость Израиля.

Заключительная **пятая глава «Девтеронимическая редакция Моисеева уголовного права книги Второзаконие как итог развития учения Пятикнижия о преступлении и наказании»** содержит результаты историко-и сравнительно-правового исследования обновленной редакции Моисеева уголовного права и объясняет необходимость перемен в уголовном законодательстве Древнего Израиля его устремленностью в будущее.

Первый параграф «Десять заповедей и иные принципы девтеронимической редакции Моисеева уголовного права» раскрывает базовые религиозно-правовые идеи, ставшие идеологическими основами учения Пятикнижия о преступлении и наказании, нашедшие отражение в книге Второзаконие, а также уголовно-правовое значение девтеронимической версии Десятисловия:

– во-первых, Декалог очертил систему объектов уголовно-правовой охраны, определив круг наиболее значимых отношений, интересов, благ и ценностей, посягательства на которые могут претендовать на статус преступных в силу их непреходящего общественного значения (определил общий объект преступлений);

– во-вторых, порядок заповедей установил иерархию этих ценностей (Бог и вера, семейные и нравственные ценности, жизнь, собственность), предопределив систему особенной части уголовного права Древнего Израиля и многих христианских и других государств;

– в-третьих, заповеди сформулированы в виде категорических запретов, ставших основой диспозиций норм о соответствующих преступлениях.

Кроме того, в данном параграфе показано значение и раскрыто содержание следующих принципов Девтеронимического уголовного кодекса:

1) незыблемость уголовного закона как необходимая предпосылка и гарантия стабильности защищаемых от преступлений общественных отношений;

2) справедливость в оригинальном в условиях перехода от родовой к государственной организации общественного строя Израиля понимании, допускающем со-

существование индивидуальной и коллективной уголовной ответственности;

3) равенство перед уголовным законом и судом с некоторыми изъятиями, связанными с происхождением, социальным положением, этнической принадлежностью и даже физическим состоянием отдельных лиц.

Развитие указанных правовых начал на последнем этапе эволюции учения Пятикнижия о преступлении и наказании показывает, что на фоне общей приверженности Моисеева уголовного законодательства идеям равенства и справедливости оно, тем не менее, характеризуется непоследовательностью в утверждении и правовом закреплении данных принципов и наличием ряда противоречий.

Во втором параграфе «Система преступлений и их виды в книге Второзаконие» построена система особенной части девтеронимической редакции Моисеева уголовного права и выполнен обзор образующих ее составов преступлений:

1) религиозные преступления:

а) преступления против Бога: поклонение и служение иным богам (Втор. 6, 14; 31, 16; 32, 17); поклонение небесным светилам и служение астральным культам (Втор. 4, 19; 17, 3); идолопоклонство (Втор. 4, 25–28; 5, 8–10); напрасное упоминание имени Господа (Втор. 5, 11); ложное пророчество (Втор. 13, 1–5; 18, 20, 22); колдовство и т. п. (Втор. 18, 9–14);

б) преступления против веры и порядка богослужений: несоблюдение дня субботнего (Втор. 5, 12–15); несоблюдение закона о Пасхе (Втор. 16, 1–8); несоблюдение праздника седмиц (Втор. 16, 10–11); несоблюдение праздника кущей (Втор. 16, 13–15); принесение жертв вне особого места (Втор. 12, 5–6, 10–11, 18, 26–27); человеческое жертвоприношение (Втор. 12, 31); непринесение в жертву первородного от скота и первых плодов урожая (Втор. 15, 19–20; 26, 1–4); нарушение закона о десятине (Втор. 14, 27–29; 26, 12–14); принесение жертвы с пороком (Втор. 15, 21; 17, 1); принесение в жертву «платы блудницы и цены пса» (Втор. 23, 18);

2) преступления против общественной безопасности:

а) преступления против нравственных устоев общества: непочтительное отношение к родителям (Втор. 5, 16; 21, 18–21; 27, 16); преступления против нравственных основ брачных и сексуальных отношений (Втор. 5, 18, 21; 7, 1–3; 22, 5, 13–30; 23, 17–18; 24, 1–4; 25, 5–12; 27, 20–23); нарушения устава о чистоте пищи (Втор. 12, 16, 23–25; 14, 3–21; 15, 23); нарушения правил об отношении к мертвым (Втор. 14, 1); притеснение обездоленных (Втор. 10, 16–19; 24, 14–21; 27, 18);

б) прообразы преступлений против здоровья населения: нарушение закона о проказе (Втор. 24, 8–9); нарушение правил гигиены в походе (Втор. 23, 9–14);

в) прообразы экологических преступлений: нарушения законов о деревьях (Втор. 20, 19–20), птицах (Втор. 22, 6–7) и волах (Втор. 25, 4);

г) нарушение правил безопасности строительных работ (Втор. 22, 8);

3) преступления против государственной власти:

а) преступные нарушения норм института царской власти (Втор. 17, 15–20);

б) преступления против правосудия: нарушение права на равный доступ к правосудию (Втор. 10, 17–18; 24, 17; 27, 19); взяточничество в суде (Втор. 16, 18–20); лжесвидетельство (Втор. 5, 20; 19, 16–21); неисполнение судебного решения (Втор. 17, 8–13);

в) прообразы военных преступлений: преступления против обязательного характера и порядка несения военной службы (Втор. 17, 12; 20, 1–8); преступные нарушения законов ведения войны (Втор. 20, 10–15, 19–20; 21, 10–14);

4) преступления против человека:

а) преступления против жизни: убийство (Втор. 5, 17); непреднамеренное убийство (Втор. 19, 2–7); убийство при превышении допустимой кровной мести (Втор. 4, 41–43; 19, 2–7, 9–10); преднамеренное убийство (Втор. 19, 11–13); тайное убийство (Втор. 21, 1–9; 27, 24); убийство по найму (Втор. 27, 25);

б) причинение телесных повреждений и иного вреда здоровью (Втор. 19, 21);

в) преступления против личной свободы: похищение и порабощение еврея (Втор. 24, 7); удержание еврея в рабстве сверх допустимого срока (Втор. 15, 12);

5) преступления против собственности и имущественных интересов:

а) хищения (Втор. 5, 19, 21; 22, 1–3; 25, 13–16);

б) нарушения законов о залоге (Втор. 24, 6, 10–13, 17);

в) незаконное ростовщичество (Втор. 23, 19);

г) нарушение закона о земле (Втор. 19, 14; 27, 17);

д) незаконная задержка выплаты вознаграждения за труд (Втор. 24, 14–15).

Сравнение второзаконческой системы преступлений с предшествующими редакциями ветхозаветного уголовного законодательства позволило обозначить следующие преобразования в правовом учении пророка Моисея о преступлении:

1) появление новых видовых образований в системе его особенной части;

2) перемены внутри отдельных классификационных групп преступлений, вы-

разившиеся во включении в них новых составов преступлений, не известных обычному патриархальному и Синайскому праву, изменении места отдельных уголовно-правовых норм внутри системы, а также в трансформации их иерархических связей.

В третьем параграфе «Институт наказания в девтерономической редакции Моисеева уголовного права» показана оригинальность наблюдаемых во Второзаконии подходов Моисея-законодателя к назначению института наказания в обновленной редакции уголовного права, выразившаяся, прежде всего, в неоднократно подчеркнутом его общепредупредительном устрашающем воздействии (Втор. 17, 3; 19, 20; 21, 21). Соплауясь с этой первоочередной целью, система наказаний Девтерономического уголовного кодекса вобрала в себя следующие меры ответственности:

1) смертная казнь – самая распространенная мера наказания, предусмотренная за преступления против Бога, многие преступления против нравственности (непочтительное отношение к родителям, прелюбодеяние, блудодеяние и др.), отдельные преступления против государственной власти (неисполнение решения суда и др.), преднамеренное убийство и др., исполняемая в зависимости от вида преступления путем всенародного забивания осужденного камнями, повешения;

2) членовредительские виды наказаний, предусмотренные за причинение телесных повреждений и др.;

3) нанесение ударов палками по усмотрению и под контролем судьи;

4) изгнание из общины и заключение на определенный срок за преступления против здоровья населения;

5) ограничение свободы в городе убежища на относительно определенный срок, предусмотренное за совершение непреднамеренного убийства;

6) лишение власти за преступления царя;

7) ограничение гражданских прав за нарушения законов о браке;

8) публичное унижение за нарушение закона деверства;

9) штраф, имеющий характер компенсационного выкупа.

В четвертом параграфе «Сакрализация уголовного закона, институтов преступления и наказания» раскрываются обстоятельства, предопределившие необходимость укрепления сакральной природы и усиления сакральной функции Моисеева уголовного права в его обновленной редакции и приводятся свидетельства святости уголовного закона:

1) объявление письменного текста закона, составленного пророком Моисеем,

святыней Израиля и помещение его на вечное хранение рядом со священными каменными скрижалями с заповедями Господними «одесную ковчега завета Господа» (Втор. 31, 9, 24–26), т. е. в самом святом, самом почитаемом месте скинии – месте присутствия Бога в среде Израиля;

2) установление обязательного регулярного чтения закона подобно молитвам при большом стечении народа в месте поклонения Богу по великим религиозным праздникам (Втор. 31, 10);

3) завещание Моисея Израилю после обретения Земли Обетованной провести особое священнодействие – торжественную религиозную церемонию публичного всенародного проклятия особо опасных преступлений во свидетельство официального утверждения и закрепления закона на новой территории нового государства и в подтверждение верности Богу и закону и др.

В параграфе показаны также значение и, соответственно, эффективность механизма сакрализации институтов преступления и наказания в концепции Моисеева уголовного права как его мощнейшей религиозно-нравственной опоры.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования, излагаются его основные результаты, теоретические выводы и предложения, вытекающие из содержания проведенного исследования, показаны перспективы дальнейших юридических изысканий в области библейской истории и концепции уголовного права, религиозно-правовых учений о преступлении и наказании.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате выполненного в диссертационной работе историко- и сравнительно-правового анализа учения Пятикнижия Моисея о преступлении и наказании сквозь призму уголовно-правовой доктрины представляется возможным подвести основные итоги исследования, сформулировать некоторые рекомендации и обозначить возможные перспективы дальнейшей разработки темы диссертации.

1. О библейской картине древней истории уголовного права, возникновения и развития институтов преступления и наказания. С точки зрения христианской космогонии началом всего сущего, включая закон, является Слово Божие, а первым словом Бога о преступности и наказуемости общественно опасных деяний стала заповедь о невкушении плодов древа познания добра и зла под угрозой смерти, адресованная Адаму и Еве. Соответственно первым преступлением согласно ветхо-

заветному учению стало грехопадение прародителей, преступивших эту заповедь, представленное в Библии и как конкретный вид преступного деяния – посягательства на теократию, и как архетип всякого преступления вообще.

Дальнейшая ветхозаветная история уголовного права, излагаемая в Пятикнижии, представлена в Священном Писании как развитие первопреступления, как процесс удаления человека от Бога в результате усугубляющихся последствий искажения грехопадением человеческой природы. Однако в эсхатологической перспективе библейское религиозно-правовое учение дарит надежду на победу человечества над грехом вообще и преступлением в частности при условии следования законам Божиим и освящает разумную уголовную политику, направленную на борьбу с преступностью. Соответственно, основными этапами последующего становления ветхозаветного уголовного права и его основных институтов – преступления и наказания согласно Пятикнижию стали:

- 1) развитие законов Божьих в нормах обычного патриархального права;
- 2) постановление и развитие Моисеева уголовного законодательства, исходящего от Бога, но записанного, обнародованного и дополненного пророком в результате многолетнего правотворческого процесса, в котором выделяются три стадии: а) постановление Десяти заповедей и Синайского кодекса; б) последующее их дополнение в течение сорока лет новыми нормами и институтами; в) обновление закона в виде Деветерономического кодекса.

Первый этап ветхозаветной истории уголовного права описан в книге Бытие. О втором этапе повествуют книги Исход, Левит, Числа и Второзаконие. При этом тот факт, что согласно библейской картине творения мира уголовный закон родился практически одновременно с выходом человека на арену жизни, указывает на признание Священным Писанием исключительной роли институтов преступления и наказания в обеспечении безопасности человека, общества и миропорядка в целом.

2. Об основах учения Пятикнижия о преступлении и наказании и концепции Моисеева уголовного права. Оригинальность концепции Моисеева уголовного законодательства заключается в неотделимости положенного в ее основание учения о преступлениях и наказаниях от религиозных и нравственных начал иудейского монотеизма, которая проявляется в следующих положениях:

– с одной стороны, ветхозаветные нормы о преступлениях и наказаниях производны от религиозной доктрины Израиля, стали ее орудиями и призваны суро-

выми запретами обеспечивать ее целостность и незыблемость как самого важного, первейшего объекта юридической защиты от всяких опасных посягательств;

– с другой стороны, параллельно уголовное законодательство освящено религиозной догмой и с помощью механизма сакрализации превратилось в один из объектов всенародного религиозного поклонения, своеобразную святыню.

Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии опирается на принципы: незыблемости закона; справедливости в ее оригинальной трактовке, допускающей сосуществование коллективной и индивидуальной ответственности; виновности (в отличном от современного значении); равенства перед законом с отступлениями, связанными с особенностями рабовладельческого строя и др.; начального гуманизма. При этом Моисеево законодательство вобрало в себя такие институты общей части уголовного права, как соучастие в преступлении, обстоятельства, исключающие преступность деяния, помилование и др., свидетельствующие о достаточно высоком уровне правовых представлений о преступлении и наказании.

Понятием преступления в Пятикнижии охватываются виновно совершенные нарушения Десяти заповедей, а равно помыслы, слова и деяния (действия или бездействие), запрещенные под угрозой наказания Господом в законе, записанном пророком Моисеем в книгу завета, направленные против Бога и веры, нравственности, общественного порядка и человека. При этом систему особенной части Моисеева уголовного законодательства в результате обобщения его синайской и девтерономической редакций можно представить в зависимости от объекта посягательства и его места в иерархии социальных ценностей Древнего Израиля следующим образом:

1) религиозные преступления: а) преступления против Бога; б) преступления против веры и порядка богослужений;

2) преступления против общественной безопасности: а) преступления против нравственных устоев общества; б) преступления против здоровья населения; в) экологические преступления; г) нарушение правил ведения строительных работ;

3) преступления против государственной власти: а) нарушения норм института царской власти; б) преступления против правосудия; в) военные преступления;

4) преступления против человека: а) преступления против жизни; б) причинение увечий или иного вреда здоровью; в) преступления против личной свободы;

5) преступления против собственности и иных имущественных интересов: а) хищения; б) уничтожение или повреждение чужого имущества; в) нарушения за-

конов о залоге; г) незаконное ростовщичество; д) нарушение закона о земле; е) незаконная задержка выплаты вознаграждения за труд.

Содержание Пятикнижия указывает, что согласно правовому учению Моисея институту наказания присущи следующие три цели (на фоне очевидного верховенства первой): а) карательно-предупредительная (устрашающая); б) восстановительная (компенсаторная); в) исправительная. При этом система наказаний Моисеева уголовного законодательства охватывает разнообразные меры ответственности:

1) телесные наказания: а) смертная казнь; б) членовредительские наказания; в) нанесение ударов палками;

2) имущественные наказания: а) выкуп (штраф); в) лишение имущества;

3) наказания, прообразующие некоторые современные меры уголовной ответственности, связанные с лишением или ограничением свободы: а) продажа в рабство; б) удаление в города-убежища; в) изгнание из общины;

4) иные виды наказаний: а) лишение власти; б) ограничение гражданских прав; в) публичное унижение; г) жертвоприношения.

3. О значении Моисеева учения о преступлении и наказании для развития современного законодательства. Действующее и предшествующее отечественное уголовное законодательство воспроизводит практически все основные запреты, установленные Пятикнижием, развивая их с позиций соответствующих духу времени представлений о праве и справедливости, гуманизме и нравственности, берущих начало в ветхозаветных заповедях. Между тем общепризнанная необходимость усиления духовно-нравственного смысла и потенциала уголовно-правовых норм указывает на целесообразность проведения их ревизии на предмет соответствия вековым религиозно-нравственным ценностям, целью которой должно стать достижение религиозно-правовой гармонии. Выполненный в диссертации юридический анализ уголовно-правового учения Пятикнижия, задающего стандарты религиозно-этического обоснования многих норм современного уголовного законодательства, позволил обратить внимание на отдельные недостатки и пробелы в действующем УК РФ и предложить некоторые меры, направленные на его совершенствование, сформулированные с учетом особенностей правосознания российского общества, связанных с его принадлежностью к иудео-христиано-мусульманской цивилизации:

1) дополнить раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ главой 25.1 «Преступления против духовной безо-

пасности», включив в нее нормы о посягательствах на охраняемые религиозные отношения, общественную нравственность, культурные ценности и др.;

2) вернуть в УК РФ норму, устанавливающую преступность и наказуемость оскорбления как опасного посягательства на духовный мир личности;

3) дополнить нормы об умышленных преступлениях против жизни и здоровья квалифицирующими признаками: «деяние, совершенное в отношении родителя, усыновителя (удочерителя), опекуна или попечителя»; «деяние, совершенное в связи с отправлением религиозного обряда или под видом его отправления»;

4) дополнить ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующим признаком, отягчающим ответственность за убийство с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, учитывая ветхозаветный и отечественный опыт дифференциации уголовной ответственности за убийства;

5) дополнить ст. 293 УК РФ квалифицирующим признаком, отягчающим ответственность за халатность, совершенную лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, принимая во внимание повышенные требования общества к их моральному облику и нравственной стороне поведения, восходящие к древним библейским положениям о наказуемости «начальников народа» за попустительство преступлениям подчиненных.

4. О перспективах дальнейшей разработки темы диссертации. Поскольку хронологические границы исследования ветхозаветного учения о преступлении и наказании были установлены в соответствии с временным периодом, охваченным Пятикнижием, – от рождения уголовного закона до его кодификации пророком Моисеем в условиях зарождения еврейской государственности, постольку перспективными направлениями дальнейшего исследования уголовно-правовой составляющей Библии могли бы стать научные изыскания следующей тематики:

– модернизация Моисеева уголовного права в условиях государственного строительства в Древнем Израиле (по материалам иных книг Ветхого Завета);

– развитие учения Пятикнижия о преступлении и наказании в религиозно-правовых идеях христианства, нашедших отражение в книгах Нового Завета;

– рецепция отдельных институтов и норм Моисеева уголовного законодательства российским и зарубежным уголовным правом и др.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Монографии, учебные пособия

1. *Беспалько В.Г., Маякова А.С.* Актуальные проблемы уголовного права: учеб. пособ. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2014. 256 с. (20,80 п. л., автор. доля диссертанта – 12,00 п. л.).
2. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея: монография. СПб.: Изд-во «Юридический Центр», 2015. 533 с. (34,00 п. л.).
3. *Беспалько В.Г.* Книга Бытия как первоисточник норм уголовного права. М.: РИО Рос. тамож. акад., 2008. 57 с. (3,25 п. л.).
4. *Беспалько В.Г.* Проблемы теории государства и права: учеб. пособ. М.: Современ. гум. ун-т, 2002. 80 с. (6,50 п. л.).
5. *Беспалько В.Г.* Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X–XXI вв.: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 232 с. (17,32 п. л.).
6. *Беспалько В.Г.* Проблемы уголовно-правовой охраны культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза и невозвращения из-за границы: монография. М.: РИО Рос. тамож. акад., 2008. 156 с. (11,40 п. л.).
7. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей от незаконного перехода права собственности, повреждения и уничтожения: монография. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2013. 80 с. (6,50 п. л.).

Статьи в изданиях, включенных

ВАК Министерства образования и науки РФ

в Перечень российских рецензируемых научных журналов

8. *Беспалько В.Г.* Библейская история появления и правового закрепления смертной казни (по материалам Моисеева Пятикнижия) // Публичное и частное право. 2015. Вып. I. С. 70–82 (0,97 п. л.).
9. *Беспалько В.Г.* Библейская история появления уголовного закона и первого преступления // Право и управление. XXI век. 2015. № 1. С. 14–21 (0,83 п. л.).
10. *Беспалько В.Г.* Библейские начала обеспечения стабильности уголовного законодательства // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 3. С. 94–103 (0,78 п. л.).
11. *Беспалько В.Г.* Библейские начала уголовно-правовой охраны культурных ценностей (по материалам Моисеева Пятикнижия) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 39–45 (0,95 п. л.).
12. *Беспалько В.Г.* Библейские прототипы преступлений против общественной безопасности в Девтерономической редакции Моисеева уголовного права // Право и безопасность. 2014. № 1. С. 62–67 (0,54 п. л.).
13. *Беспалько В.Г.* Библейские религиозно-нравственные истоки противодействия коррупции в Пятикнижии Моисея // Публичное и частное право. 2013. Вып. III. С. 72–83 (0,90 п. л.).
14. *Беспалько В.Г.* Библейские стандарты уголовно-правового обеспечения уважительного отношения к родителям и их проекция на российское законодательство // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 57–64 (0,74 п. л.).
15. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветная история уголовного права в Пятикнижии Моисея как новое направление историко-правового и сравнительно-правового научного

исследования // Публичное и частное право. 2014. Вып. III. С. 63–89 (2,18 п. л.).

16. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные представления о преступлениях против нравственных основ брачно-семейных отношений в Девтерономической редакции Моисеева уголовного права (по материалам книги Второзаконие) // История государства и права. 2014. № 3. С. 7–12 (0,57 п. л.).

17. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные прообразы норм военно-уголовного права в книге Второзаконие // Законодательство. 2013. № 5. С. 88–94 (0,69 п. л.).

18. *Беспалько В.Г.* Геноцид и его прообразы в Пятикнижии Моисея // Публичное и частное право. 2011. Вып. IV. С. 66–75 (0,81 п. л.).

19. *Беспалько В.Г.* Древние ветхозаветные прообразы экологических преступлений в Пятикнижии Моисея // Экологическое право. 2014. № 1. С. 3–7 (0,57 п. л.).

20. *Беспалько В.Г.* Древние представления о вине в Моисеевом уголовном законодательстве сквозь призму современной уголовно-правовой доктрины // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 1. С. 101–108 (0,70 п. л.).

21. *Беспалько В.Г.* Древние свидетельства о таможенных преступлениях (по материалам книги Бытия и ее толкований) // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 1. С. 38–44 (0,58 п. л.).

22. *Беспалько В. Г.* Институт религиозных преступлений в уголовном праве Российской Империи (XVIII – начало XX в.) // Публичное и частное право. 2015. Вып. II. С. 81–100 (1,34 п. л.).

23. *Беспалько В.Г.* К вопросу о периодизации ветхозаветной истории Моисеева уголовного права // Публичное и частное право. 2016. Вып. I. С. 86–93 (0,60 п. л.).

24. *Беспалько В.Г.* К вопросу о преступности ростовщичества в ветхозаветном и российском уголовном законодательстве // Публичное и частное право. 2015. Вып. IV. С. 88–96 (0,67 п. л.).

25. *Беспалько В.Г.* Книга Числа Ветхого Завета о преступлениях против жизни // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 38–42 (0,65 п. л.).

26. *Беспалько В.Г.* Культура в контексте уголовно-правового регулирования // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 1. С. 3–10 (0,64 п. л.).

27. *Беспалько В.Г.* Межотраслевое значение истины как принципа уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства в контексте христианской правовой культуры // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 4. С. 76–85 (0,80 п. л.).

28. *Беспалько В.Г.* Отдельные меры повышения эффективности предупреждения преступлений, посягающих на свободу совести // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 201–204 (0,57 п. л.).

29. *Беспалько В.Г.* Преступления против правосудия в Девтерономической редакции Моисеева уголовного права (по материалам книги «Второзаконие» Ветхого Завета) // История государства и права. 2014. № 23. С. 28–33 (0,56 п. л.).

30. *Беспалько В.Г.* Принцип талиона в Моисеевом уголовном законодательстве // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 2. С. 277–280 (0,50 п. л.).

31. *Беспалько В.Г.* Понятие, признаки, система и виды преступлений в Синайском уголовном праве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право.

2011. Вып. III. С. 19–34 (1,28 п. л.).

32. *Беспалько В.Г.* Религиозные преступления в законодательстве Московского централизованного государства (XV–XVII в.) // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 28–32 (0,64 п. л.).

33. *Беспалько В.Г.* Рецепция ветхозаветных религиозно-правовых идей древнерусским законодательством о религиозных преступлениях // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 24–31 (1,07 п. л.).

34. *Беспалько В.Г.* Сакрализация уголовного права в Пятикнижии Моисея // Вопросы правоведения. 2014. № 2. С. 321–334 (0,72 п. л.).

35. *Беспалько В. Г.* Система и виды наказаний в Девтерономической редакции Моисеева уголовного права (по материалам книги Второзаконие Ветхого Завета) // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1. С. 145–150 (0,80 п. л.).

36. *Беспалько В.Г.* Слово как начало закона Божия и закона уголовного в трудах христианских богословов и российских правоведов // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 60–65 (0,80 п. л.).

37. *Беспалько В.Г.* Соотношение понятий «грех по неведению и ошибке» и «преступление» (по материалам книги Левит Ветхого Завета) // Публичное и частное право. 2013. Вып. IV. С. 96–108 (0,91 п. л.).

38. *Беспалько В.Г.* Становление принципа справедливости в Моисеевом уголовном праве (в его сравнении с российским уголовным законодательством) // Публичное и частное право. 2014. Вып. II. С. 67–89 (1,58 п. л.).

39. *Беспалько В.Г.* Сущность и система наказаний в Синайском уголовном законодательстве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право. 2012. Вып. I. С. 56–67 (0,89 п. л.).

40. *Беспалько В.Г.* Уголовная политика в сфере религиозных отношений: история, состояние и перспективные направления развития // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1. С. 85–95 (0,82 п. л.).

41. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовая охрана имущественных и иных экономических отношений в Девтерономической редакции Моисеева уголовного права (по материалам книги Второзаконие Ветхого Завета) // Бизнес в законе. 2013. № 5. С. 15–18 (0,55 п. л.).

42. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 41–50 (0,85 п. л.).

43. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовое значение ветхозаветных Десяти заповедей // Вопросы правоведения. 2013. № 3. С. 470–483 (0,62 п. л.).

44. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовое обеспечение социальной защиты вдов, сирот и пришельцев в ветхозаветном законодательстве пророка Моисея // Социальное и пенсионное право. 2015. № 1. С. 44–49 (0,56 п. л.).

45. *Беспалько В.Г.* Уголовно-правовые аспекты библейского повествования о казнях египетских // Вопросы правоведения. 2013. № 1. С. 329–337 (0,42 п. л.).

Тезисы докладов и выступлений,

опубликованные в сборниках материалов научных конференций

46. *Беспалько В.Г.* Библейская концепция происхождения уголовного права // Происхождение государства и права: ревизия концепций: сб. тезисов междунар. конф. (14 июня 2014 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Фонд развития юридической

науки, Центр академических публикаций, 2014. С. 8–11 (0,22 п. л.).

47. *Беспалько В.Г.* Библиейские стандарты уголовно-правовой защиты сирот от преступных посягательств (по материалам Моисеева Пятикнижия) // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 180–184 (0,32 п. л.).

48. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветная концепция истины как гарантии объективного расследования преступлений и современная уголовная политика // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 ноября 2013 г.). В 3 ч. Ч. 1 (теоретические предпосылки). М.: Ин-т повышения квалификации Следственного комитета РФ, 2013. С. 45–49 (0,31 п. л.).

49. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные истоки религиозного экстремизма в Пятикнижии Моисея // Актуальные проблемы противодействия органов внутренних дел религиозному экстремизму: вопросы теории и практики: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. М.: Акад. управления МВД России, 2014. С. 52–61 (0,64 п. л.).

50. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные прототипы конституционного принципа равенства перед законом и судом в Моисеевом уголовном праве // V Междунар. науч.-практ. конф. «Инновационные технологии социально-экономического комплекса». Секция «Российское законодательство: проблемы и перспективы» (посвящается 20-летию Конституции Российской Федерации): сб. науч. трудов / отв. ред. Н.В. Свечникова. Подольск: Ин-т экономики; Изд-во «Идея-АГС», 2014. С. 28–31 (0,38 п. л.).

51. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные уроки последствий криминализации общественного сознания и их значение для современного общества постмодерна // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна: сб. матер. XXVIII междунар. Балтийской криминологической конф. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. В.Ю. Сморгуневой, Я.И. Гилянского, Н.А. Исаева. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. С. 45–49 (0,31 п. л.).

52. *Беспалько В.Г.* В начале было Слово... Божественный Логос как начало уголовного закона // Язык. Право. Общество: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 13–14 мая 2015 г.) / под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, Н.А. Павловой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 212–215 (0,46 п. л.).

53. *Беспалько В.Г.* Генезис уголовного права и характеристика его отдельных институтов согласно Книге Бытия // Пути промысла Божия и святоотеческое наследие: сб. докладов IV направления XVI Международных Рождественских образовательных чтений «Православные ценности и современное образование» (2008 г.). Вып. 2. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2009. С. 52–63 (0,57 п. л.).

54. *Беспалько В.Г.* Древние библиейские начала расследования преступлений (по материалам Моисеева Пятикнижия) // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Акад. управления МВД России, 2015. С. 81–87 (0,35 п. л.).

55. *Беспалько В.Г.* К вопросу об актуальности уголовно-правового анализа ветхозаветных писаний в условиях международной интеграции // Уголовное право и

криминология: матер. секции уголовного права и криминологии VI Междунар. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения» – «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» / отв. ред. А.И. Рарог, И.М. Мацкевич. М.: Проспект, 2014. С. 15–19 (0,33 п. л.).

56. *Беспалько В.Г.* К вопросу о пределах и достаточности уголовно-правового воздействия на религиозные отношения // Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: сб. матер. круглого стола (Москва, 10 июня 2014 г.) / под общ. ред. О.Д. Жука. М.: Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2014. С. 88–95 (0,42 п. л.).

57. *Беспалько В.Г.* Развитие священных ветхозаветных представлений об истине в уголовном материальном и процессуальном законодательстве Республики Таджикистан // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Душанбе, 3 декабря 2014 г.). Душанбе: «ИРФОН», 2014. С. 57–67 (0,82 п. л.).

58. *Беспалько В.Г.* Религиозно-нравственные аспекты дактилоскопической регистрации // Совершенствование системы дактилоскопической регистрации: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (8 октября 2015 г.). М.: Юрлитинформ, 2016. С. 6–12 (0,40 п. л.).

59. *Беспалько В.Г.* Религиозно-нравственные начала борьбы с коррупцией в Моисеевом уголовном праве в их сравнении с российским законодательством // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Алексеева (Москва, 23 октября 2014 г.). М.: Акад. Следственного комитета РФ, 2014. С. 148–152 (0,33 п. л.).

60. *Беспалько В.Г.* Религиозно-нравственные предпосылки дискуссии о коллективной (корпоративной) уголовной ответственности и некоторых процессуальных аспектах ее реализации // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 г.). В 2 ч. Ч. 2. М.: Акад. Следственного комитета РФ, 2014. С. 186–190 (0,33 п. л.).

61. *Беспалько В.Г.* Система преступлений в Девтерономической редакции Моисеева уголовного законодательства (по материалам книги Второзаконие Ветхого Завета) // Актуальные проблемы наук уголовно-правового цикла: сб. матер. науч.-практ. конф. кафедры уголовно-правовых дисциплин / под ред. М.А. Алпеевой. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2014. С. 3–12 (0,63 п. л.).

62. *Беспалько В.Г.* Состояние и тенденции уголовной политики в сфере религиозных отношений // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. М.: Акад. управления МВД России, 2015. С. 6–14 (0,50 п. л.).

63. *Беспалько В.Г.* Сравнительный анализ понятия и признаков преступления в современном российском и древнем синайском уголовном праве (по материалам книги Исход Ветхого Завета) // Правоохранительная и правозащитная деятельность в России и за рубежом на современном этапе: матер. ежегодн. Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. А.А. Галушкин. М: Мосинформбюро; Рязань: Концепция, 2013. С. 45–49 (0,27 п. л.).

64. *Беспалько В.Г.* Становление и перспективы развития уголовно-правовых норм о защите культурных ценностей от преступных посягательств // Поиск: сб. ст.

по проблемам правоохранительной деятельности. Вып. 15 по матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы борьбы с контрабандой в условиях деятельности Таможенного союза», посвященной 10-летию Института правоохранительной деятельности Российской таможенной академии, Москва, 23 ноября 2011 г. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2012. С. 122–135 (1,06 п. л.).

65. *Беспалько В.Г.* Уголовная политика ветхозаветного пророка Моисея как орудие сакрализации судебной власти // Политика и право: теоретические и практические проблемы: сб. матер. 2-ой Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 4 ноября 2013 г. / отв. ред. А.В. Малько. Вып. 2. Рязань: Концепция, 2013. С. 33–36 (0,26 п. л.).

66. *Беспалько В.Г.* Эволюция представлений пророка Моисея о справедливости уголовного законодательства // Вопросы эволюции правовой мысли человечества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (10 декабря 2014 г., г. Уфа). Уфа: Аэтерна, 2014. С. 3–9 (0,57 п. л.).

Научные публикации в иных изданиях

67. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные истоки борьбы с преступлениями против государственной власти в Пятикнижии Моисея // Поиск: сб. ст. по проблемам правоохранительной деятельности. Вып. 18. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2013. С. 87–95 (0,64 п. л.).

68. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные истоки уголовно-правовой охраны политической власти в Пятикнижии Моисея // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 14: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во «Юрист», 2014. С. 41–45 (0,37 п. л.).

69. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные корни уголовного права // Религия и право. 2007. № 4. С. 44–46 (0,47 п. л.).

70. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные представления о преступлениях против нравственности согласно книге Бытия // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 4 / под ред. В.Г. Беспалько. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2010. С. 89–101 (0,60 п. л.).

71. *Беспалько В.Г.* Влияние христианства и Русской православной церкви на развитие уголовного права допетровской Руси (X–XVII вв.) // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 3 / под ред. В.Г. Беспалько. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2009. С. 35–49 (2,19 п. л.).

72. *Беспалько В.Г.* Духовная безопасность как объект уголовно-правовой охраны // Право и безопасность. 2006. № 3–4. С. 155–166 (1,03 п. л.).

73. *Беспалько В.Г.* Институт наказания в Синайском уголовном праве // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 4 / под ред. В.Г. Беспалько. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2010. С. 42–53 (0,58 п. л.).

74. *Беспалько В.Г.* История развития законодательства об охране культурных ценностей от преступных посягательств // Культура: управление, экономика, право. 2013. № 2. С. 27–34 (0,60 п. л.).

75. *Беспалько В.Г.* К вопросу об основаниях ответственности за преступные посягательства на свободу совести и вероисповеданий по законодательству Российской Федерации // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 6 / под ред. М.А. Алпеевой. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2012. С. 78–91 (1,14 п. л.).

76. *Беспалько В.Г.* К вопросу об отношении уголовного права к гипнозу, магии

и иным проявлениям оккультизма // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 1 / под ред. В.Г. Беспалько. М.: РИО Рос. тамож. акад., 2007. С. 22–26 (0,31 п. л.).

77. *Беспалько В.Г.* Культура как объект уголовно-правовой охраны и фактор, определяющий развитие уголовного права // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 5 / под ред. В.Г. Беспалько. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2011. С. 84–96 (1,06 п. л.).

78. *Беспалько В.Г.* Нравственные основы и культура правосудия под охраной уголовного закона // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 2 / под ред. В.Г. Беспалько. М.: РИО Рос. тамож. акад., 2008. С. 71–80 (0,59 п. л.).

79. *Беспалько В.Г.* Общая характеристика и принципы Синайского уголовного законодательства (по материалам книги Исход Ветхого Завета) // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 4–11 (0,82 п. л.).

80. *Беспалько В.Г.* Основания и меры уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности по Синайскому уголовному кодексу // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 8 / под ред. М.А. Алпеевой. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2014. С. 54–65 (0,81 п. л.).

81. *Беспалько В.Г.* Особенности правовых воззрений пророка Моисея на равенство перед уголовным законом (по материалам книги Второзаконие Ветхого Завета) // Юридические записки. 2013. № 2. С. 70–75 (0,49 п. л.).

82. *Беспалько В.Г.* Первое убийство в библейской истории и наказание за него // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 7 / под ред. М.А. Алпеевой. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2013. С. 70–79 (0,69 п. л.).

83. *Беспалько В.Г.* Проблемы уголовно-правовой охраны свободы совести и иных основ светской организации российского общества и государства // Юстиция. 2006. № 1. С. 66–74 (0,56 п. л.).

84. *Беспалько В.Г.* Проявление и значение талиона в ветхозаветном Моисеевом уголовном праве // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. Вып. 3 / под общ. ред. Р.В. Шагиевой, Н.Н. Димитрова. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2014. С. 84–88 (0,34 п. л.).

85. *Беспалько В.Г.* Пятикнижие Моисея как живой источник древних уголовно-правовых норм // Советник юриста. 2015. № 6. С. 70–74 (0,41 п. л.).

86. *Беспалько В.Г.* Уголовная политика как средство сакрализации политической власти в Моисеевом уголовном праве (по материалам книги Чисел Ветхого Завета) // Проблемы материального и процессуального уголовного права: сб. Вып. 7 / под ред. М.А. Алпеевой. М.: Изд-во Рос. тамож. акад., 2013. С. 22–32 (0,74 п. л.).

Рецензии на научные труды автора диссертации

1. *Крюкова Н.И.* Рецензия на книгу В.Г. Беспалько «Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X–XXI вв.» // Публичное и частное право. 2015. Вып. IV. С. 103–106.

2. *Нечевин Д.К.* Рецензия на монографию В.Г. Беспалько «Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея» // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5. С. 307–311.